

Футурум АРТ 2 (53)

МОСКВА

2022

Футурум АРТ

Литературно-художественный журнал

Союза писателей XXI века

<http://www.futurum-art.ru>

Издатель и главный редактор

Евгений Степанов (stepanov@futurum-art.ru)

Редколлегия

Сергей Бирюков

Юрий Милорава

Анастасия Степанова

Оформление и верстка

Ирина Ракитина

Проект осуществляется при участии **Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»** (Генеральный директор **Е. В. Степанов**).

Свидетельство о регистрации журнала:

ПИ 77-3270 от 28 апреля 2000 г.

Содержание

Колонка редактора	5
СИЛЛАБОТОНИКА	
Владимир АЛЕЙНИКОВ. Долог день. Две композиции	6
Евгений МОРОЗОВ. Ветви дороги	17
Евгений СТЕПАНОВ. Так и живем	37
БАСНИ	
Александр ОЛЕЙНИКОВ. Мораль сей басни такова	40
ОДНОСТРОК, ДИСТИХ	
Евгений СТЕПАНОВ. Смысл жизни	45
ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ	
Ян ПРОБШТЕЙН. «Переходы» Роберта Данкена (1919–1988) . . .	51
Роберт ДАНКЕН. Переходы	56
ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ	
Пётр ГУЛДЕДАВА. Крик в безответное, или Драгоценные вина Александры Крючковой	86

РЕЦЕНЗИИ

Александр БАЛТИН (Юрий Гр. Малков, «Ангелокастро, или Песня любви»)

Александр БАЛТИН (Людмила Колодяжная, «Сказки в стихах»)

Ольга ЕФИМОВА (Александр Олейников, «Еще не вечер»)

Станислав ЛАПЕНКО (Павел Манылов, «Папа»)..... 97

ОБ АВТОРАХ..... 104

Друзья!

Пишите!
Напечатаю.

Евгений СТЕПАНОВ

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

ДОЛОГ ДЕНЬ

ДВЕ КОМПОЗИЦИИ

1

СТО СТРОК

В сентябре мы выходим в сад,
Где несносен цикад раскат,
Где как мост, что высок и пуст,
Он хранит в себе спящий куст.

Наконец-то мы выйдем, друг,
В те края, где тепло вокруг,
В эту ночь, где крыльца уж нет,
Да и мой затерялся след.

Вот и вышли мы сутью всей
Из безличья чужих людей —
И теперь, где прохлады скит,
Сигарета меж лилий спит.

Что нутром ту почувешь, сад?
Предначертанный бред оград,
Где калитка давно темнит
И кольцо на руке звенит.

Сто столов тебе ставим здесь —
Ты и так простирался весь,
Чтоб ни лампочка, ни луна
Темнотой не была больна.

Да пребудешь премудр и тверд,
Приоткинув завесу орд,
В этом скифском сиянье звезд,
Где ответ на вопрос не прост.

Оттого и слова горьки,
Что не думают спать сверчки,
Оттого и рука легка,
Что под нею течет река.

Месяц юный, как прежде юн,
Потому и греховен вьюн, —
Так апостольски жребий чист,
И зеленый склонился лист.

И не надо ни слез, ни зол,
Чтобы пестовал нас и цвел,
Но первичность ветвей и жил,
Словно песню, ты нам сложил.

Ни на что не пеняй, внимай —
Там томился недавно май,
Понимая, что полдня нет,
И всюю осыпался цвет.

Еле виден зари разрез —
Что воспримешь на вкус и вес?
Пролегли посреди двора
Борисфен, Танаис и Ра.

Три виталища примут нас,
Где от гибели душу спас, —
Вспомнит август, Немейский лев,
Стародавние чары древ.

Не гадал звездочет-халдей,
Что избавлен от злых затей,
За которыми в небо зван, —
Терем ивовый да талан.

Я лицо пред тобой открыл —
За Мефодием шел Кирилл —
И поет о святых местах
Изумрудных дождей чета.

Преуспела земная персть
В обещаниях помнить весть —
Что ни горсть, то семья семян
Безмятежно летит в туман.

Этот плен горделив и хмур —
Помоги мне бежать, Овлур!
Даже здесь я от вас не скрыл
Лебединых Обиды крыл.

Не дрожи — я тебе не враг —
Фессалийский пробрался маг —
И покуда цела юдоль,
Отдаление рыщет вдоль.

Там раины равнинный жест
Одолел города окрест —
И не будет полнощный плат
Покрывалом Изиды снят.

Пятиструнная цитра ждет,
Чей сегодня играть черед,
На Восток провожая звук,
Чтобы помнить колчан и лук.

Там очертами очерет
Укрывал — Аллах Берекет! —
От измен подневольных гроз —
Зенаар — салами — Навроз.

Отзовись, семихолмный град!
Бореады сюда летят —
И нагонит Селена сон
На истекшие дни племен.

Скифы-пахари! — где вы? где?
Не подступишь к седой воде —
С этой степью, смуглящей лик,
Одинаков у них язык.

Неизбежное зреет — иль
Неподкупен звериный стиль,
Неприступен заветный знак —
В землю воткнутой акинак.

Мне бы пить под своей звездой
Песни таборной той настой —
Ты-то таивал столько раз
Истомленных набегов сказ!

Ты прости, понимая их,
Тайнобрачие чад твоих, —
Но изведанный чтим обряд,
Сентябрю посвящая сад.

2

НОЧНАЯ ВОРОЖБА

Полунощной звездой таврен
Кобылицы сарматской круп, —
Речь, как зерна, взрастил племен,
Оживил шевеленьем губ.

Сводов семь небеса томят,
Оттягают числом седым, —
Не пленяй меня, месяц злат,
Завораживай, легкий дым.

Не зови ты к себе, зима, —
Что искать мне во льдах твоих?
На Тамани темны дома,
На Дунае туман затих.

На пороге ключам лежать,
На дороге шагов не счесть,
На весу мотылькам дрожать,
На лету приголубить весть.

Кто направо ушел — забыт,
Кто налево ушел — богат,
У колодца орех разбит,
У околицы смех распят.

На Дунае туман прошел,
На Тамани дома белы —
Но стекает образчик смол
С острия золотой иглы.

А в серебряных иглах — звон,
Врачевания черный глаз, —
И кровей раздается стон,
И стекает по капле час.

Припади к роднику скорей,
Сыновей народи троих, —
Ты, зима, ворожить не смей —
Что мне делать в снегах твоих?

Ну а ты причащайся вновь,
Пробуждайся, как знак сквозь сон —
Здесь по капле стекает кровь
И часов раздается звон.

Мне никто не мешал дышать
И перечить никто не смел —
И загадки умел решать,
И в догадках остался цел.

Меотида в лазури въявь
Наводила на верный шлях —
И когда приходилось вплавать,
Приютил и тоску, и страх.

Рассыпался в ногах песок,
Разбивался о скалы вал, —
И узрел я высот висок,
И весло я в руках знавал.

А налево — Эвксинский стон
Мне надсаживал ветром грудь,
И когда-нибудь станет он
Обещаньем еще вздохнуть.

Адриатики дорог брег,
Долог день у лесных дриад,
Ветер бриг превратил в ковчег
И незваных достиг рулад.

Что пророчишь ты мне, друид?
Что стволы про себя таят?
На виске седина дрожит,
Долог взгляд у морских наяд.

Ядовит наважденья вид —
С воскуреньем прими фиал —
Трианон в полнолуние спит,
Скрыт ветвями Эскуриал.

Мавританский теней изгиб,
Запорожский бровей излом, —
Неужели же птиц и рыб
Ворожке задевать крылом?

Ненавижу неверий рой!
Разбужу мимолетный лад —
Не поладишь еще с игрой,
А костры на земле горят.

А костры на земле целы —
И стекает по капле час,
И вдыхаем настой смолы,
И взираем в последний раз,

Пробуждаясь в надежде дня
И рождаясь еще живой,
Чтобы зов испытать огня
Посредине земли своей.

ПАНТИКАПЕС

Сумел тебя я ныне навестить,
Река моя, — и радуюсь при встрече,
Как в те года, которым — так и быть! —
Стеной стоять за преданностью речи.

Сумел бы я и нынче наверстать
Затерянное в роздыхе удачи —
Да ей страницы легче пролистать,
А быть неизъяснимою — тем паче.

Но что же выжило — и в памяти звенит
Занозой – песней комариной?
Ужель и впрямь избавит от обид?
Се — глас твой слышен над долиной.

Молва над мальвами жужжала, как пчела,
И в брюхе полночи ворочались младенцы,
Чтоб ты в степи к скитальцам снизошла,
Связала засветло кузнечиков колена,

Созрела замыслом у полудня в мозгу,
Смелей разбрасывала водорослей лохмы, —
И, в наваждении зажмурясь, не могу
Я уловить ни хитрости, ни догмы.

А по кустарникам, как бисерная сыпь,
Росы дрожит желаемая влага,
Чтоб луг-изгой от жажды не погиб, —
И ты к нему не сделаешь и шага.

Бери-ка под руки и берега холмы,
И скалы, плоские, как выпитые фляги, —
Еще попомним скифской кутерьмы
Набеги в помыслах о благе.

Еще поцарствуем на равных — не робей! —
Потешимся поочередно,
Полетом пепельным ленивцев-голубей
Еще надышимся свободно.

Пускай смущение, настигнуто зрачком,
Пушинкою захолонуло,
Язык сковало сахарным ледком,
Волной нахлынуло, начальное вернуло, —

Пусти к минувшему! — с ним все-таки теплей —
Там вхожи мы в туманные покои,
Покуда ветер, веющий с полей,
Наполнит наши кубки над рекою.

ДЕРЕВО

Польнь горячая, клонящийся ковыль.
Степная кровь! Ты значишь слишком много.
Ты в земли эти впитывалась долго —
То каплями, то щедрыми ручьями,
То реками, то буйным половодьем —
Не потому ль так мягок чернозем,
Так плодоносен?.. — Дерево встает
В багровом обрамлении заката,
Корнями вглубь уходит, ввысь — вершиной,
Подъемлет ствол, надежно защищенный
Пахучею, смолистою корою,
Раскидывает крону широко,
Шумит листвою, осенью — карминной,
Соседствующей с южной бирюзой,
Прозрачною, как жилка горизонта,
С прослойкою лазури на востоке,
Пульсирующей в дымке лиловой,
Как сонная артерия Природы,
С мерцанием сапфировым на юге,
С жемчужным вздохом севера вдали;
Пунцовою, как щеки на ветру,
Пурпурною, как женские уста,
Иль алою, с оранжевым оттенком,
Как детские замерзшие ладошки,
Коралловой, как старые мониста,
Рубиновой, как доброе вино;
То огненной, роднящейся с кострами,
То рдяною, как первый поцелуй,
То льющейся воздушным кумачом,
То плещущей персидским кармазином,
То сыплющейся золотом червонным,
То сгустками запекшимися лета
Ржавеющей на выгнутых ветвях.
Все это — кровь. Все это красной нитью
Прошло сквозь лабиринт существования.
По глине, по камням и по песку,

И вырвалось на волю, пламенея,
В дыму осеннем, в замкнутом кругу
Вокруг оси — торжественного древа,
Под куполом распахнутого неба,
Не улетая в Ирий, словно птицы,
Но падая на почву, становясь
Огнем подземным, жилами руды,
Извечной почвой, древнею опорой,
Земною твердью, соками растений
В закатный час, у века на краю.

Звенит чуть слышно медная струна.
Желтеет опаль — родинки, веснушки.
Подобно лебедю, склоняет шею конь,
Небрежно машет огненной гривой
И воду пьет. В серебряной воде,
Как в зеркале, он видит отраженье —
Такого же усталого коня,
С ушами чуткими, с огромными зрачками.
Вода темнеет. Конь идет к холмам.
Глядят с курганов каменные бабы
На села, на уютные жилища,
На россыпи прищуренных огней,
Мелькнет сквозь стебли чащи камышовой
Трепещущий змеиный язычок,
Поднимет рыба тлеющий плавник,
В золе проснется жаркий уголек.
Немало звезд на кленах загорелось —
И если к ним сегодня прикоснуться,
Не обожгут — притянет, как магнит,
Струящееся древо крови нашей
И даст им жизнь — в словах, воспоминаньях,
И это — продолженье бытия.

О дерево, о тополь на закате,
Высокий челн, свеча преображенья,
Знарок неуловимых изменений
В подлунном мире, сивоусый лирник,

Морщинистый хребет несущий прямо,
Который соль звезды и кровь зари
Соединили с космосом, хранимым
В твоём сознание! Дерево благое,
Душа поющая, дыхание округи,
Иглою сшивающее жуткие прорехи
Меж вымыслом и явью! Прямо в песню
Несущее доверчивое сердце,
А песню эту — к людям, прямо в жизнь!

Фонарики шиповника. Спорыш.
Вкрапления цикория. Ромашки.
Тысячелистник, белый свой венец
С достоинством несущий. Подорожник,
Врачующий бесчисленные раны
Идущей по-над берегом тропы.
Стручки акаций — серьги полнолуния.
Дремотный вяз. У моста череда.
И узкий мост. И берега громада.
И скалы с фиолетовым отливом.
И плещущая холодом река.
И все сады. И степь — хрустящий свиток,
Развернутый у ночи на коленях.
И свет в окне. И тополь за окном.

ЕВГЕНИЙ МОРОЗОВ***ВЕТВИ ДОРОГИ***

* * *

Хлопнув дверью, я вышел тихо —
было лето, еще не зной,
воздух, пахнувший земляникой,
плыл зеленый, речной, лесной...

Плыл сквозь стены, висел над крышей,
прикасался тепло щекой,
стыл в деревьях, сползал неслышно,
трогал травы живой рукой...

После холода, как прогрето,
после зим, где снегов легло,
очень странно — от жизни, света,
очень странно, что есть тепло...

В какофонии всех мелодий
все стремится, тебя храня:
ничего ведь не происходит,
кроме солнца и кроме дня.

Ничего, что с небес прицелясь,
ждет зима и молчит пока,
но сильнее — живучий шелест,
изумруд на спине жука...

ДЕВОЧКА

Дай мне карамельную конфету
из ладони липкой, детской, этой,
улыбнись тому, как озорству, —
просто потому, что я живу...

Девочка, которая глазастей
взрослого с копилкою несчастий,
видит лучше, что оно и как —
одарит полсчастьем просто так...

От того, что нет смешнее больше,
от того, что ей дышать подольше, —
из груди, где сад и небосвод,
из нежитых лет, как от щедрот...

На твоих косичках свет игривый,
изо рта, где смех и зубки кривы,
но счастливы, громче и бойчей —
речь, неисчерпаемый ручей.

Но не сколько даже за конфету
оказалась ты чуднее света,
но за память, добрую до дна —
детство слаще утреннего сна.

* * *

О чем знает птица,
когда приударит мороз,
а юг только снится —
нелепый, конечно, вопрос...

О чем тихо знает
молчащая сухо трава,
когда поджигают
ее, и она не жива.

О чем знает книга
раскрытого неба вверху...
Должна быть интрига,
должна быть строка на слуху.

Изложенный кратко,
хотя и навечен и прост,
но свет как загадка,
читатель неписанных звезд.

Легко и негромко
всей памятью, всюю тугой,
ты знаешь о чем-то,
о чем не узнает другой...

Не требуй ответа,
но этот закон меж людьми,
несчастье это,
незнание это прими...

Поскольку на свете
нельзя быть в себе и везде,
поскольку в ответе
нет правды об этой беде...

Когда пробирает,
и ад припирает вокруг,
о чем-то все знают,
о чем-то все знают, мой друг...

ГИФАСИС

Все стояли у Гифасиса,
все хотели, как один,
ни печеного оазиса,
ни обугленных руин,
ни земель, им уготованных,
ни наград, ни славных нош,
если столько навоевано,
что назад не унесешь,
не фалангой вставши ровною
у черты воды прямой,
но толпой и просьбой кровною
поворачивать домой.
Тот, кого они не поняли,
убеждал, что победим,
человек из Македонии,
тоже был, и был один.

Он стоял, непонимающий,
изумленьем поглощен,
почему его товарищам
не воюется еще.
Почему с огнем и карами
должен он вперед не мочь
гипаспистами, гетайрами,
фалангитами и проч.
Полземли в подарок роздано,
полсокровищ, полдержав,
остальное — рано, поздно ли —
будет поводом для слав.
Но солдаты — тоже жители,
просто выстроены в ряд,
и придется победителю,
чтобы жить им, быть назад...

Я люблю стоянку, станцию,
из какой пути резки:
без тебя, с тобой, добрался я
до черты такой реки.
Из характера упрямого
покорив, не был суров,
но дошел с тобой до самого
края света, края слов...
Я люблю тебя, пропавшую
в рот-молчок и тишину,
я смешал, одними ставшие,
отношенья и войну.
Но воспетые поэтами
и забытые в гранит
воевали не за это ли,
не показывали вид...

* * *

Выткал снег на футбольном поле,
взяв с ветвей, тополиный ткач,
но охота сильнее неволи,
и мальчишки играют в мяч...

Летним сном, не устав от бега
целый день, и с мячом в уме,
не до пуха им, не до снега,
намекнувшего о зиме.

Как воюют, а не играют,
как отряд на другой отряд,
отнимают, ведут, теряют,
забывают — глаза горят...

Смех и ругань, тела и лица,
и от бега их легкий пух
поднимается и ложится,
в летнем воздухе — зимний дух.

Тополя, чьи стволы и хоры
будто что-то сказать должны,
шевелиются, летят узоры
нескончаемой белизны...

Нескончаемая работа
забывания детских бед,
и летит белый мяч в ворота,
в синий обморок, в белый свет...

* * *

В рукопожатье ладони рабочей,
жмущей с душою настолько всерьез,
что сквозь тиски ты почувствуешь очень —
мост, ей отгроханный, дом, паровоз...

Словно попался в объятия силы —
до вытекания слов из орбит,
что пригорюнилась, но отпустила,
что намекнула, да не говорит...

Как я люблю: из привычных объятий —
тела огонь, что живящ и змеюч,
но превращенный по роду занятий
в ковш загребучий ли, в гаечный ключ...

Тонкой рукою в ответ пожимая,
к птичьему лучше привыкшей перу,
с речью — из ночи ее вынимая —
ты превращен в синий луч поутру.

И, отвечая, понять не могу я,
но, пожимая, чтоб знал ты, хочу:
я сообщу тебе силу такую,
что не уступит ковшу и ключу...

Будет железнее и паровозней,
будет надежнее, как ни пойми,
рукопожатие — странный, межзвездный —
мост, перекинутый между людьми.

* * *

Что ни думай, куда ни плавай,
где ни будь, в голове — стена:
три смотрящих и флаг двуглавый,
кровеносные имена...

Повоюешь ты с жизнью страстной,
убедишься, что не кристалл,
что не лег полосойю красной
на знамена, гербом не стал.

Но когда ты любил кого-то,
и не мог без того ни дня,
понимал в тот момент: чего там...
это родина, кров, родня...

Видел сквозь, под любую властью,
звезды в небе, людей, дома,
что вошли в тебя, стали частью
всей земли твоей и ума.

Что еще человеку надо,
если мог он любить пока,
понимал с полувзгляда взглядом
без особого языка.

Умереть мог за это тоже;
ведь до смерти ему нужна
обстановка, в которой прожил,
даже больше, чем вся страна...

ВЕТВИ ДОРОГИ

I

Память — и вспышка, и ранен цыган:
черно-змеиные дикие очи,
девичий, в сердце смотрящий наган,
ты почему так прицелился очень...

Не разлюбить — так с ума не сойти,
но пошутить и нагнуть бы за это
с древа небесного — ветку пути
самого млечного самого цвета...

Лунною силой, чьи травы мудры,
тихо учила, хотя не сказала,
что позабыть тебя с этой поры —
если и можно, то этого мало...

Значит, ты ранен до смерти, цыган:
будет внутри, бередя и тревожа,
но, если в память, как в прошлое, зван,
не позабудешь, то жить будешь все же.

Не уводить тебе белых коней,
не торопиться из каменной клетки —
без сожаленья, но только, но с ней,
с той, что однажды так ранила метко...

Что в тебе скрыто? Казалось бы, вздор —
глупо-красивое, ветрено-пьяно...
Но приговор твой, но твой заговор
обворовал ловкача и цыгана.

Что так связало в его голове
узел из памяти с цепкой резьбою,
что все дороги в своем большинстве —
ветви одной, неизвестной тобою...

II

Нет, я ранен тобой навеки —
наяву ли в наплывах сна,
в разговорах, в делах, что реки,
ты сквозь все мое, как волна...

Это видимо и другими
в том, как речь веду, что творю:
говорю я с тобой, не с ними,
не на них, на тебя смотрю.

Пафос выпранный время-лекарь
тихо высушит, но слова,
но страница, библиотекарь,
где молчат они, как жива...

Потому что и ты так ранен,
что ни лекарей, ни аптек,
и я просто назвал, что с нами,
полминуты, неделю, век...

Потому что, кто жил по книгам,
знал — из жизни, любил — бог весть
почему, накрывало мигом,
где спасенья — и нет, и есть...

Потому что других ранимых
перебыть, пережить могли,
потому что в губах любимых
чувство неба, укус земли...

III

Средь лица выражений счастливых
почему, если долго смотреть,
в этих синих глазах, в черных сливах —
то ли страшная жизнь, то ли смерть?

Женский омут, притихнувший жадно,
на твоём я читаю лице;
это книга, какая понятна
между строк своих, но не в конце...

Знаешь лишь, что легко далеко ты
можешь быть заведен и нести
крест гитары, звезду идиота
где-то в сердце и в небе пути...

За любовью, за синим проклятьем,
не учи тебя жизнь ничему,
не цыганское это занятие —
знать про все, поступать по уму...

Неизвестность, которая глуше
самой смерти, приличней подчас —
за глаза, за смотрящие в душу,
за тревогу, зовущую нас...

САМОЛЕТ

Папа играет с сыном —
маленький самолет
держит рукою сильной,
папа летит вперед.

Зелень с ветвей нависла.
Небо и молоко.
Сын тихо смотрит снизу,
сыну легко, легко.

Светом с просторов льются
смех и лучи тепла —
взвиться бы, прикоснуться,
тронуть его крыла...

Как он красив в полете,
словно бы вверх воздет,
словно живой, из плоти,
словно крылатый свет...

Папа легко и слепо
свет этот самый льет —
держит рукою небо,
взявшись за самолет.

Хоть до земли не так бы
вроде и далеко,
как же так может папа,
как же он высоко...

И от восторга бледным
рядом спешит дитя,
и попевает следом,
«жж» говорит летя.

КАПЛЯ

Есть вода в городской долине
на сухой кривизне листа —
жидковыпуклый, чисто-синий
вид воды... Но вода не та.

Капля с неба — такую сделай —
из случайностей, меж людьми,
сколько выпадет быть ей целой,
береги ее, не сломи.

Разобьется она — почувствуй,
но виновных не находя;
должен быть, как оно ни грустно,
в этой ягоде сок дождя.

Может быть, потому что нету
злей беды, где кипят труды,
может быть, потому что это
часть огромной, одной, воды...

ЭЛЕГИЯ ПАВШИХ НАДЕЖД

Как много листьев... Прежде и вверху,
шумя с ветвей, нависнув тесной кроной,
внимания они не привлекали,
но вот, упав на землю и гни́я
прекрасным воспаленным разноцветьем,
они как будто всюду: наступая
на почву, наступаешь и на листья,
которые (и ты про это знаешь)
должны иссохнуть и утратить цвет.

Краса намеков, осень, мать дождей,
в права вступает, долгие итоги
в итоге завершаются, и кратко
звучит как приговор, что быть зиме.
Но снега нет еще... Я вспоминаю,
смотря на листья, рябь дневной реки,
где от жары спасался, зыбь песка,
в которой погружал босые ноги,
хождения средь зелени, и сверху
живой непоправимый синий цвет,
какие-то дела и поздравленья,
находки строк, прочитанные книги,
известия о смерти, эпизоды
с людьми, прозренья радости и грусть...

Тебя со мною нет. Я стал глухим
как будто, с отрешенным черствым видом,
и хоть давно не чувствую, что бьется
в моих объятьях тело, даже имя
твое мне помнить больно, что уж — видеть,
но ты все содрогаясь во мне...
Ну что же... Иногда судьбе угодно
умнее быть, чем нам, чем представленье
о счастье, как бы ни было красиво
оно в твоём построено уме.
Я осень не люблю. Она внушает,
что скоро мерзнуть и носить одежды
поверх одежд привычных, что природа
опасна, как ни грела бы любовь.

И все-таки, когда качнет весна,
потянет воздух свежестью горелой,
вернешься ты на солнечную Землю
с планеты голых веток и снегов.
Война твоих страстей есть мир в тебе,
и что бы ни случилось в этом мире,
все будет цвести и гнить, как сами листья,
чтоб эти превращенья удались...

Я смысла не ишу. Да и, наверно,
нет смысла все описывать словами;
я просто вижу правду, и порою
про это все понятней не сказать.

СОТВОРЕНИЕ ОТДЫХА

...День шестой. Я поднялся с постели.
На часах — пять вечера, мельницею метели
за окном ветра, всюду снега льняные,
что никуда из дома. Грустные выходные.

На полу — ковер, пластмассовая бутылка
выпита и измята; толстая, как копилка,
книга стихов, с нее устремлен куда-то
птичий профиль бывшего лауреата.

Наконец-то выспан, я в тишине, как в доме,
так все тихо, длинного ритма кроме,
но не ужатого все-таки до оргазма —
опись Бродского и перелив сарказма...

Мой голос украден. Вместо него я вижу
теплых людей, прущих, как по Парижу,
по субботней стуже — медленнее-скорее
в инее на стекле в сторону батареи.

Что бы ответил Цезарь, вставши у Рубикона,
слитого в твердый лед тихо и незаконно?
Не посчитал бы самой дурной приметой,
чтобы спросить у жребия, бросить это?

Я каждый день бросаю, я выбираю —
ковыряться в рутине, глубины приотворяя,
есть из тарелки, мучиться вечным вопросом,
надевать сезонные брюки с начесом,

жить стараться, с женщиною любою
быть недостойным любви, быть собою,
шарить в смартфоне, отыскивать на бумаге
строки с намеком, как водяные знаки...

Просто ценить людей, что от года к году
дышат, витийствуют, двигают на работу;
глядя на водопад или же сад унылый,
быть восхищенным картиной и вечной силой...

Прежде самих времен, темных, седобородых,
был, как идея, просто придуман отдых,
чтобы застыла глина и помолчала лира,
после шестого дня и сотворенья мира.

* * *

Я слышал, что римлян
сгубила уставшая власть;
устанешь и ты, блин,
чтоб Римом отрубленным пасть.

До света лучивший
всю ночь, как листок на суку,
торчавший, лечивший
четвертую в тексте строку,

ни капли не спавший,
ловивший у неба совет,
про все вспоминавший
о чем-то забывший поэт,

про власть над собою
не знавший, но, как на краю,
мольбой и ходьбою
империю длящий свою.

В крошечном чертоге
патриций одной простыни,
какие там тоги
носили в сенате они...

Какие-то орды
напором сметал легион,
ты сон гонишь твердо,
и все возвращается он.

Придет и обманет,
усталостью ляжет верхом,
но текст перестанет
и станет обычным стихом.

И ты перестанешь
быть Римом и станешь рекой,
и, может быть, ранишь
однажды четвертой строкой.

* * *

Я курил на балконе и видел звезду,
что висела под самой луной,
что была — на весу, на лету, на ходу —
самой красной и самой одной.

Видел я, что луна, что из золота вся,
передвинувшись, светит сильнее,
а звезда так и рядом краснела вся,
и одна, и чудна́, и под ней...

Что за красная тварь просочилась в тот час,
заточила себя в лунный круг —
это Марс, это значит прищуренный глаз,
это просто красиво, мой друг?

Много-мало ли звезд бережет тишина,
но зачем, я никак не пойму,
среди просторов, холодная, греет она,
намекает — тебе одному...

* * *

Из страны тяжелой — налегке
ты уедешь, надо ли-не надо,
говорить на чуждом языке
небу и ромашкам у ограды.

Странно как, что детский твой язык,
на лады склоненный многократно,
на молчанье всюду, на пык-мык
будет заменен, хоть так понятно...

Впрочем, если был, то говоришь:
как — неважно, главное — о главном.
И в стране, где жил ты, будет лишь
хорошо и плохо и подавно...

В том миру, что ты не понимал,
как это он твой, и тьмой пропащей —
разрывные площади, и мал
едуший, живущий, говорящий...

То ругмя ругал сильнее всего,
то хвальмя хвалил его здорово,
но держался крепко — за него,
за начало памяти, за слово.

И земли, и зябкой красоты
не было ни легче, ни южнее —
только речь хранящая и ты,
навсегда рожденный вместе с нею.

* * *

По флешбэкам, вырванным из контекста
всех твоих присутствий, каких не счесть,
там и здесь, в картинках, с набором текста,
знаю я: ты где-то, живешь, ты есть...

Выпендрожным светом, звездой ранней,
среди хлопот померкших и выгод лишь,
среди красот веселых и будних зданий,
улыбаясь видом своим, молчишь.

Летний день обступит тебя окружно,
поздний лист в осеннем падет саду.
Как легко и молодо, как нескудно
ты горишь у вечности на виду...

Я б хотел быть пойман и приведенным,
как дитя за руку, в твой юный край,
успевать с тобою — в наплыв зеленый,
твой прозрачный голос, твой тихий рай.

Но и пусть в аду, разве знать прикажешь:
ни смартфон в ладони, ни мир в окно
не покажут правды, а ты не скажешь,
как тебе живется, как есть оно...

МОЖНО ЛИ СТОЧИТЬ КАМЕНЬ?

Я вижу людей, говорящих «я прав»,
читаю людей, пишущих «я прав»,
живу среди людей, умирающих за правоту,
чувствую людей, замурованных в правоте...

Можно ли сточить твой камень внутри?

Повсюду от меня беспардонная водица,
омывающая мозг, закованный в улыбку,
подрывающая глыбы пропащих новостей,
душеспасительные идеи о простоте непонятого.

Я люблю тебя, упакованную в лед
цифровых приличий и достигнутых дел,
обиженную мною, но нежную так,
что я бы растаял от делового холода.

О, как ты прикасалась ко мне
легкомысленной земляникой и настойчивой кровью,
билась в небе, терпеливо обвивала,
таяла сама от насилия и любви,

оказалась жизнью, пределом дыхания,
перевернутой страницей, буквы которой
я помню до единой, скрижалю сердца...
Можно ли сточить твой камень внутри?

Я оказался на жидкой плоскости,
обложенной валунами, громадную твердью,
смешавшийся, лужица, с кривой водицей,
среди чужой правоты и святых истуканов.

Как учили птенцов родители:
сын ли дочь, необходимо,
чтобы стал порядок, быть как камень.
И поили из ложки первобытной рекой,

проливали через край, показывали на свет,
оказывались светом, пропускали в синеву,
и твой детский камень расплывался в груди,
учился холодному взрослому миру.

Птицы лиц, тронутые сухотой,
вложив всю воду и твердую нежность,
опоздали во времени, а ты остался
успевать вослед — то вода, то камень.

Как ни устань от того, что прав
праведный валун, океан сомнений,
нет окончательной правизны
ни в левой, ни в правой части света.

Мозг — планета внутри головы —
больше верит, чем крепче знает,
свету, нежности и дождю,
и замышляет сточить твой камень.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ***ТАК И ЖИВЕМ*****НАД САМИМ СОБОЙ**

А жизнь сегодня в дверь не ломится,
Да и в окно не хочет лезть.
Жизнь точно бывшая любовница,
Вершащая коварно месть.

Болячки. Боль. Все откровеннее
Ограничения — во всем.
Недоумение. Смирение.
Так и живем,

Давя в себе рефлексы рвотные,
Горя в невидимом огне.
Цветы, домашние животные
Сочувствуют, вздыхая, мне.

Но я уверен, все наладится,
И рано объявлять отбой.
Я полечу, как шоколадница,
Над болью, над самим собой.

2020

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Красные (а ля Кейт Мара) губы, черные ажурные чулки.
У моей нечаянной голубы я спасусь от горя и тоски.

Девочка, целуй меня крепче, девочка, целуй меня сильней!
Не ветра, а сумрачные смерчи пронеслись над головой моей.

...Сам себя потом я пропесочу и закрою сам себе сезам.
Но хотя б недолго, этой ночью, волю я не дам своим слезам.

2022

КТО БЫ СПОРИЛ

Кто бы спорил: я простак.
Кто бы спорил: я придурок.
Часто попадал впросак
Из-за собственных придумок

И активности, бежал
В даль, порвав границ цепочку.
Будто кто-то мне кинжал
В пятую впендюрил точку.

Шел (зачем?!) на Волгу, Дон,
Шел от Крыма и до Рима.
Для чего я был рожден,
Если смерть неотвратима?

...Дача. Тихо. Шепчет ель
То, что не осмыслишь сразу.
А холодную постель
Не согреешь по приказу.

2022

КРОТОВ ИЗ РОМАНА ЮЛИАНА СЕМЁНОВА

Предатель Кротов был своим в Гестапо.
Предатель Кротов был страшной сатрапа.

И, землю убивая и топча,
Он был страшной садиста палача.

Среди убийц, предателей, сексотов
Был самый страшный, самый грешный — Кротов.

...А женщинами Кротов был любим.
А женщины судьбу делили с ним.

...Душа — мишень в бесчеловечном тире.
Я ничего не знаю в этом мире,

Хотя, казалось бы, не лыком шит.
А жизнь летит, бурлит, спешит.

2020, 2022

СЕЙЧАС И ПОТОМ

Я грешный человек-дрова,
Я стану черною золою.
Я грешный человек-трава,
И плоть моя срослась с землею.

Я вешний человек-вьюнок,
Тянусь в заоблачные выси.
Я был бы счастлив, если смог
Родиться — в будущем — в Тбилиси.

2020

АЛЕКСАНДР ОЛЕЙНИКОВ

МОРАЛЬ СЕЙ БАСНИ ТАКОВА

ОБ ЭПОХЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Однажды как-то агроном
Купил зачем-то метроном:
«Ну как же, если дома
Вдруг нету метронома?»

А аккомпаниатор
Купил зачем-то трактор,
Громоздкий и вонючий.
Ну так, на всякий случай.

Они мне повод дали
Для вывода морали:

Как всем известно, мы живем
В эпоху потребления
И тащим все, что можем, в дом.
Порой — для захламления.
Ну прям, на удивление!

Не надо, люди, покупать,
Хотя вам и нейдет,
Того, что вам употреблять
По жизни не придется.

О ВШАХ

Две вши, а вошь блохе сродни,
Однажды были не одни.

Сказать всю правду если вам,
Кусали льва, то здесь, то там.

Пытался грызть и бить хвостом,
Но бесполезно все, притом.

Мораль сей басни такова:
Иная вошь сильнее льва.

О СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Супруга милого неверность
Частенько вызывает ревность.

И даже может повод дать
Самой налево погулять.

Подобный муж — не мой герой.
Я враг концепции такой.

А что касается морали,
Когда ее мы соблюдали?

ПЧЕЛКА И ТРУТЕНЬ

От пчелки очень много толку.
За что народ и ценит пчелку.

А что касается до трутня,
Он любит дрыхнуть до полудня.

И нам легко извлечь урок:
Какой от трутня, к черту, прок?

Но трутень славится нахальством.
Мечтает с детства стать начальством.

Мораль извлечь совсем не трудно:
Побольше пчел! Поменьше трутней!

ПАРМЕЗАН И БРЫНЗА

Однажды с брынзой пармезан
Затеял жаркий спор:
Я — главный сыр! Имею сан!
А ты? Сплошной позор!

А брынза молвила в ответ:
«Сегодня на витрине
Ты есть, а завтра, может, нет
Тебя уже в помине.

Тебя не будут завозить
Из-за войны идущей.
Меня же может всяк купить,
Пусть самый неимущий.

Сегодня ты — деликатес,
А завтра, может, ты исчез».

Мораль весьма легко сыскать
В сей басни с интересом:
Подумай, прежде чем считать
Себя деликатесом.

АД

Я до двенадцати часов
Проспал без задних ног.
Когда бы я не видел снов,
Поспать еще бы мог.

Но снилось мне, что я попал
За прегрешенья в ад.
И сатана там правит бал.
И жарят всех подряд.

А потому приснилось мне,
Что я горю в аду,
Что я оставил на огне,
Не сняв, сковороду.

Стоит по всей квартире чад.
И выводы ясны:
Естественно, тебе про ад
Все будут сниться сны.

Мораль, читатель мой, поймать
Ты сможешь на лету:
Усвой, что должен выключать
Ты вовремя плиту.

ИНТРОВЕРТ

Однажды как-то интроверт
Пошел зачем-то на концерт.

И умер на концерте.
Мне жаль его, поверьте.

Не смог найти он туалет,
Спросить он постеснялся.
А раз с людьми контакта нет,
Он в зале и скончался.

Вы спросите: «А где мораль?»
Мораль прозрачна, как хрусталь:
Совет мой интровертам —
Не шляться по концертам.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

СМЫСЛ ЖИЗНИ

СТРОКА

Ока невидимого ока.

ОЧЕНЬ БЫСТРО

Пошел в магазин за хлебом, а вышел на финишную прямую. Обычное дело.

ПО ЛЮБИМОЙ УЛИЦЕ

Быстро, очень быстро я прошел по любимой улице. А на самом деле еще быстрее

И ОПЯТЬ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Вводить войска смерть не вводить.

2020

СЛЕДЫ

Следы на земле. Следы на песке. Следы на воде. Следы на небе. Следы на земле.

РАЙ-ЦЕНТР

О, русская провинция: судьба и путь домой.

СЦЕНАРИЙ

Человек рождается. Живет. Умирает. Никто не может придумать что-нибудь поновее.

СЛОВА

Только не надо говорить резких и грубых слов. Даже если они правдивые, они все равно глупые.

МАСКИ-ШОУ

Пандемия. Люди — в масках — в метро... Будто все как один задумали ограбить банк.

2020

ЭХ

Смерть как последний оргазм человека.

ОДИН МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Ни иудей, ни гей, а вот пишу, печатаюсь.

2020

ВСЕГДА

Все постепенно проходит. И только чувство стыда за свое
отвратительное несовершенство мучает меня всю жизнь.

2020

ЛЕКАРСТВО

Пишу стихи — заговариваю боль. Все очень просто.

ПОЭТИКА

Старые рифмы — старые смыслы. Новые рифмы — опять
старые смыслы. Новые смыслы — новые рифмы.

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Тихо, спокойно, откровенно... Может быть, тогда что-то сможешь сказать во весь голос...

2020

ВОТ, СОБСТВЕННО, И ВСЕ

Меня убивали, а я писал стихи. Вот, собственно, и все, что я могу рассказать о своей жизни.

2021

ЦЕЛИ

Сродниться с землей. Сродниться с небом. А что еще?

2020

ФИЗИОЛОГИЯ ВОЗРАСТА

Ходить стал медленнее, говорить тише, а видеть лучше.

2020

ПОЭТ

Михаил Кузьмин — поэзия — Санкт-Петербург. Метафора, не униженная рифмой.

2020

ПУТЬ

Крик. Шепот. Молчание.

2020

ПУТЬ

Я прожил двадцать жизней. Но не прожил одной.
Впрочем, все это не имеет никакого значения.

2020

А ЧТО ЕЩЕ

Душа. Судьба. Словарный запас-рифма-метафора. А что
еще нужно поэту?

2020

**РАЗНОЕ ВОСПРИЯТИЕ
ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЯВЛЕНИЯ**

Дождь. Дождь. Дождь. Смородина приободрилась.
Клубника припала к земле.

2020

ЛЮ

Какая такая любовь?! Просто если ты мне не звонишь,
я начинаю болеть.

2019

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Хороший человек умер от сердечной... переизбыточности.

2017

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Охраняю щебечущий скворечник с птенцами от хищной
кошки. Я знаю, в чем смысл моей жизни.

2020

ЯН ПРОБШТЕЙН

**«ПЕРЕХОДЫ» РОБЕРТА ДАНКЕНА
(1919–1988)***

Другие «Переходы» Роберта Данкена включены в антологию современной американской поэзии, которая будет опубликована в издательстве НЛЮ (составители Вл. Фещенко и Я. Пробштейн)/ Robert Duncan © 2021, the Jess Collins Trust, reproduced with permission.

Роберт Данкен принадлежал одновременно школе колледжа Блэк-Маунтин и стоял у истоков так называемого Берклийского и Сан-Францисского Возрождения. Данкен проработал всего год перед закрытием колледжа Блэк Маунтин, но печатался в журнале «Блэк Маунтин Ревью» (Black Mountain Review) с начала 1950-х, Олсон, последний ректор колледжа, основоположник направления и автор известного манифеста «Проективный стих», и Данкен прониклись друг к другу взаимной симпатией. Данкен также по-своему развивал идеи проективного стиха, но с другой стороны, поэзия Данкена, который изучал литературу античности, средневековья и ренессанса в Беркли, изобилует аллюзиями на античных авторов, Тибетскую «Книгу Мертвых» и «Зогар», на Данте, Ницше и Фрейда, Бодлера, Верлена, Рильке, Пауля Целана, Паунда и Х. Д., своих современников — Зукофски, Олсона, Крили. К этому следует добавить аллюзии

* Предыдущие публикации: <http://gefter.ru/archive/20207> <https://magazines.gorky.media/prosodia/2016/4/poety-kolledzha-blek-maunten-ch-olson-r-danken-r-krili-v-perevodah-yana-probshtejna.html> & <http://articulationproject.net/12361> & <https://i.7iskusstv.com/y2021/nomer12/probshtejn/> & <https://flagi.media/piece/303>

на музыку Малера и Стравинского, переписку Малера и Фрейда, современное Данкену независимое кино и многое другое. Переехав в Сан-Франциско, Данкен наряду с Кеннетом Рексротом, Джеком Спайсером и Робинот Блейзером стал одним из вдохновителей так называемого Сан-Францисского Возрождения, причем понимал он это движение не как региональное, а как содружество единомышленников, объединенных родственными поисками.

Когда Данкен перебрался в Сан-Франциско, где стал участником «Поэтического Ренессанса Сан-Франциско» и преподавал в университете, у него был семинар, где он по строчке разбирал «Илиаду» Гомера. Приемные родители Данкена, усыновившие его в младенчестве, были теософами, которые учили мальчика, что его сны — память о его прошлой жизни, когда он жил в Атлантиде (и был там поэтом). Его стихотворение «Мне часто позволено вернуться на луг», отражает его сложное видение мира, где «луг» — это не рай, не место невинности, но создание воображения, ума, однако его собственного, то есть не просто игра ума, а волевое усилие победить хаос.

Книга Данкена «Открывая поле» («Opening the Field», 1960) получила признание не только у критиков, но и у читателей. Поэт и литературовед Стивен Степанчев в книге «Американская поэзия после 1945 года» писал, что «Данкен — синкретист, обладавший воображением, которое строит мосты, объединяя время и соединяя пространство».

В неизданном предисловии к этой книге Данкен писал:

«Я интересуюсь формами, а не конвенцией, искусством, а не литературой, я, быть может, модернист. Однако меня не особенно интересует совершенная новизна формы, я не футурист, я работаю с непосредственным и не нацелен на оригинальность. Значения в языке не оригинальны, не более, чем звуки; они накапливаются из поколений человеческого использования из мглы нейтрального звука и первых предметов к многогласности и всеобщей вселенной сегодняшних вещей; они радикальны, направляя корни в прошлое вдоль наших собственных корней. Я — традиционалист, искатель истоков, не оригинальности»^{*}.

* Duncan, Robert. Unpublished preface to *Opening the Field*. Notebook A, Robert Duncan papers. Bancroft Library, University of California, Berkeley, p. 97. Цит. по: Davidson Michael. *The San Francisco Renaissance. Poetics and Community at Mid-century*. Cambridge-New York, Cambridge University Press, 1989, p. 127.

1960-е принесли Данкену признание — он был награжден мемориальной премией Хэрриэт Монро (1961), Стипендией Гуггенхайма (1963), премией Левинсон журнала «Поэзия» (Poetry, 1964) и трижды был награжден стипендией Национального фонда искусств. Едва ли не самой сложной в интеллектуальном смысле была книга «Сгибая лук» («Bending the Bow», 1968^{*}), которую многие называли интеллектуальным коллажем, а Майкл Дэвидсон добавлял, что стихотворение Данкена — «это композиционное поле, в котором может быть... цитата из прозаического произведения, каталог, рецепт, драматический монолог, обличительная речь», а поэт Джим Харрисон писал, что структура типичного стихотворения Данкена «многослойна и четырехмерна... оно подобно полотну ткани... и требует активного усилия читателя».

Так же, как в «Дантовых этюдах», Данкен соединяет времена-пространство, свободно перемещаясь из одной эпохи в другую, в своих «Переходах» — именно переходах, а не в «Пассажах», поскольку в этих текстах делается упор не столько на музыкальные, сколько на исторические и временные созвучия. Именно поэтому в «Переходе 13» Данкен объединяет полотно Пьеро ди Козимо «Лесной пожар», датированное 1490–1500 гг., «Ад» Босха, мистические прозрения Бёме с созданием ядерной бомбы, Лос-Аламосом, Хиросимой и Уитменом (причем анахронически ставит под поздней статьёй Уитмена, посвященной 18-му президенту США Улиссу Гранту, более раннюю дату — 1856 год — год президентства Пирса и второго издания «Листьев травы»):

Границы ди Козимо оперенные, опушенные, лиственные
где даже Фурии — птицы
и размываются в высших гармониях Эвмениды;
чьи звери, проникая в зачарованное поле
освещенные его видением, застывают,
обретая пастбища и луга своей мечты.

* Переводы стихотворения, давшего название всей книге, и некоторых других стихотворений из нее были опубликованы в журнале «Просодия» № 4 (2016): <http://magazines.russ.ru/prosodia/2016/4/poety-kolledzha-blek-maunten-ch-olson-r-danken-r-krili-v-perevo.html>.

Пламя, дым. Любопытна
 острая сосредоточенность на зареве вид
 того, что есть в *Anima Mundi**

В то время как на севере (1500) изображенный в озарении Босха
 Ад взрывается противоположной музыкой.

Лица заблудших хитры, бледны в непристойных похвалах,
 закрывают глаза в сладострастной пытке
 заморожены страхом, жадно

следят за новостями: землетрясения, извержения,
 горящие автомобили, разъяренные любовники, войны против
 коммунизма,
 героинисты, полицейские рейды, расовые беспорядки...
 уловленные в *lasciva animi*** этого суетного звука.

И мы видим наконец лица зла прямо
 над нами,
 звериные гримасы, неведомые настоящим животным.
 Есть крысы, змеи, жабы, говорит нам Бёме,
 являющиеся созданиями Дьявола. Есть
 Дьявольская мимика у человека, ведовство Дьявола.

Христос закрывает глаза, неся свой Крест,
 словно во сне. Является ли Его Царство
 не от мира сего, но мечтой о Мировой душе,
 Одушевлением Мира?

Сфумато художника являет Его лицо,
 Пасторальный покой среди ужаса, скорбь
 отзвук которой мы видели на лице оленя прежде.

* Мировой Душе (*лат.*).

** Похоть души (*лат.*)

Над ним, словно чтобы потопить сладостную музыку,
 Сатана выглядывает из
 лиц людей:

Идиотская ухмылка Эйзенхауэра, черная
 челюсть Никсона, коварный блеск в глазах Голдуотера, или
 взгляд Стивенсона, лгущего в ООН, чтобы спасти
 лицо нашей страны. •

Его лицо размножилось со времен Рузвельта, Сталина,
 Черчилля, Гитлера, Муссолини; в мечте
 Оппенгеймера, Ферми, Теллера, Ванневары Буша,

изобретающих кошмарную формулу — чтобы выиграть войну!
 неизбежное • в Лос-Аламосе
 замышляя холокост Хиросимы •

Теллер открыто за Антихриста

проблески зла которые видны во власти этого мира.

(Перевод Я. Пробиштейна)

Данкен, которого связывала с другой представительницей школы Блэк Маунтин Денизой Левертов многолетняя дружба, запечатленная и в переписке, причем в письмах он неизменно обращался к ней «Дэни», был против радикальных форм социального протеста, выраженных в ее поэзии в конце 1960–1970-х, считая, что поэт должен заниматься своим делом, «иначе он сам становится участником войны, носит войну в себе», как он писал ей в одном из своих писем. При этом он и сам писал резкие обличительные стихи, особенно в таких «Переходах», как в конце «13», где он пишет о создании атомной бомбы, Хоросиме, считая, что Рузвельт, Сталин, Черчилль, Гитлер и Муссолини в равной мере воплощения Сатаны, а в «Переходе 26. Солдаты» и сам немало пишет о войне во Вьетнаме и приравнивает Мао Цзе Дуна и Чан Кайши.

РОБЕРТ ДАНКЕН (1919–1988)

ПЕРЕХОДЫ

ПЕРЕХОДЫ 26 СОЛДАТЫ

Из останков быка Хадхаянс* —
пища! бессмертие народа!

Нейтральная полоса, где все движется
— с точки зренья Сайгона — «вражеская».

Они должны обрести души в войне
как последователи Орфея обретают души в стихах
дерево должно загореться от этого грязного огня!

* Хадхаянс — священный бык в Зороастризме (хотя Апис был священным животным в Египте, и были также священные быки в Шумере и Вавилоне, самый известный из которых Молох). В Зороастризме вредные животные созданы Ангра-Майнью, а домашние животные, полезные человеку, важнейшими из которых считались в зороастризме бык, корова, лошадь, собака и петух, сотворены Ахурамаздой (Ормуздом). По священному зороастрийскому сказанию, первым созданным существом был бык. Ангра-Майнью убил этого быка, но из его тела произошли человек и священные растения: фруктовые деревья, хлебные злаки и виноградная лоза. Потому он был «зародышем всего благого», и его душа живет на небе. Это предание символически изображалось на так называемых «камнях Митры». Середину изображения на этих камнях занимают фигуры поваленного на землю первосозданного быка и стоящего на коленях подле него Ангра-Майнью, вонзающего в грудь ему смертоносный кинжал. Вокруг быка изображены животные Ахурамазды и Ангра-Майнью, в числе которых обыкновенно находятся змея и собака. Русская историческая библиотека: <http://rushist.com/index.php/ancient-east/2515-zoroastrizm#c14>.

Из убитой зверски человеческой мечты
 дистиллируй божественное питье запрещенный галлюциноген
 сотрясающий вид сокрытого
 порядка порядков!

Они должны идти на войну и не создать им других
 сцен для действия своей жизни •

*Dieu, dont l'oeuvre va plus loin que notre rêve**

Творец таинственная Бездна
 откуда дым исходит
 людей, созданий, солнц!
 Он столь глубок, что синий от глубин
 вместилище где нет обмана, что так обманывает нас.

безмерность тени вес полноты
 соразмерность
 частей предложенья они должны свершить свой
 длинный марш чтобы свершить
 предписывает жизнь что принимаем как необходимость.

И чтоб освободить Новый Китай
 от Чан Кайши, пресвитерианского военачальника,
 его банкиры
 разоряли национальную казну, его армиям
 платили взятками (помощью) Рузвельта и Сталина,
 против Мао, уничтожавшего города,

У самого Мао — гора убитых людей,
 аллитерация «м» как во Вьетнаме
 сожженные деревни...
 (сейчас Джонсон, не вдохновенный поэт, но скверно
 громоздит свою собственную историю убийств и жертв,
 бездарно)

* О Господь, чье творенье превосходит наши мечты (франц.). Из сборника стихотворений Виктора Гюго «Легенда веков» (1859): (XXIII: Ô Dieu, dont l'oeuvre va plus loin que notre rêve).

...невозместимо неотвратимо во имя кого?
 ненависть должна восставить изувеченных
 и бесправных
 против кровавых виршей, что Америка пишет на теле Азии
 мы должны отозвать держась
 за права на собственность
 не частную (индивидуальную) или общественные права на
 нашу общечеловеческую собственность.

«Соединенные Штаты сами по сути величайшее
 стихотворение»?*

Тогда Америка, тайный союз всех штатов Человека,
 ожидает, скрытая и протестующая, в сердцах Вьетконга.

«Американцы из всех народов всех времен на земле»**,
 говорит Уитмен, — борцы за свободу духа,
 преданные общности Человека.
 Чтобы соединиться с тобой, мы отринули
 Все хищные создания: Ложных богов и людей»***

*l'oeuvre qui va plus loin que notre rêve*****

*Solidarius******: спаянный.
 у этой армии есть своя солидарность.
 в общей жизни, обладая монетой
 или получившие монету в оплату

* Цитата из предисловия Уитмена к первому изданию (1855) «Листьев травы».

** Усеченная цитата из предисловия Уитмена (1855): все предложение таково: «У Американцев из всех народов всех времен на земле — возможно, самая большая потенциальная поэтическая природа».

*** Как писал сам Роберт Данкен в письме Денизе Левертов, «эту фразу я взял из Гимнов Заратустры в Гатах». Письмо 383 от декабря 1966 г. *The Letters of Robert Duncan and Denise Levertov*. Ed. by Robert J. Bertholf and Albert Gelpi. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 563. Гаты (авест.— *gāthā* «песнопения») — наиболее значимая и почитаемая часть Авесты, представляющая собой 17 поэтических гимнов пророка Заратустры, обращенных к единому Богу-творцу Ахура Мазде.

**** ...чье творенье превосходит наши мечты (*франц.*) — цитата из стихотворения Гюго (см. выше).

***** Служащий за плату, солдат. (*лат.*). У Данкена скорее — солидарный.

solidum *, золотая эмблема Солнца.
 хотя мы сражаемся подпольно
 по воле сердца, внутреннего солнца тела,
 крови естественного
 восстания против тирании •

И с самого начала был коммунизм. истинная
 Бедность Одухотворенных которую сердце желало;
 Я также отстранился оттуда по привычке.

+

Они сражаются с захватчиком
 съеживаются, так их поражает страх,
 расчеловечены голодом либо
 не мечтая стать мужами, Солнце
 недолго их озаряет;
 либо призваны, оплата не цель для них,
 они не настоящие солдаты,
 даже не проданы войне
 но из страха наказания идут, обязанные, без желанья
 отличиться в бою,
 но убивая, убивая, чтобы покончить с этим.

О вы, кто ничего не знает о великой идее Войны,
 сражаясь, ибо вынуждены, вслепую, не ведая
 границы Истины, но по при-
 казу лжецов и властелинов Лжи, ваша
 свобода действий
 их первая жертва,
 молодежь, вырванная из постелей первой любви и
 столов для занятий для смерти
 чтобы «свободные люди везде» «имели право
 определить свою судьбу
 в свободных выборах» ** — в Лас-Вегасе, на Уолл-Стрите,

* Капитал, солидный (*лат.*)

** Данкен цитирует «Всеобщую декларацию прав человека», принятую ООН 10 декабря 1948 г.

Америка ворочается в приступах
 «свободного предпринимательства»,
 лихорадке и панике жадности и страха.

Чудовищные фабрики наживаются на рынках войны,
 и как никогда прежде, производящие вооружение,
 отравляющие газы и средства разрушения, высоко
 взлетели на волне зарплат и премий. В итоге,
 монополисты труда и хозяева распухших
 лестниц прибылей и доходов преуспевают.

Первейшее Зло — то, которое имеет над вами власть.

Принуждение — это Ариман*.

В бесконечном Мраке телеэкран,
 лживые речи и картины продают время и продукцию,
 трупы жертв сожжены дочерна напалмом

— Ариман, нутряная нужда рвения торговца —
 образ манекена, курящего, мчащегося в своей машине
 на бешеной скорости,
 элегантно одетого, надушенного, соблазнителя, без
 запаха Мужа или без аромата святости,

вместо Образа Христа;
 служба робота вместо Божественного служения;
 Благое Слово и Труд извращены Рекламодателем,
 Тем-Кто-Отвратит-Наши-Глаза-От-Правды.

Привычка — это Ариман.

Первое Зло — то, что призывает вас на службу,
 распространяя свои «товары» в Азии.

Он движет вами, вы позволяете ему
 двигаться, в ваших интересах, и так вам и надо,
 он действует, как вы ему позволяете.

Проблески истинного разума
 затмеваются огнями, которые он разбрасывает.

* Ариман — в Зороастризме — бог тьмы и олицетворение всего дурного, первоисточник зла, противник Ормузда.

Мастер обещаний, Великий Барышник и Поставщик!

дымящиеся поля, Б-52 летящие так высоко ни звук, ни вид
их не дает предупреждения, летчики сбрасывают
свои бомбы
не слыша ни звука, не видя то, что они бомбят.

Это Ариман, слепой
разрушитель фермера и его вола во время их труда.

Индустриализация стирает с лица земли Неолит!
Улучшитель Жизни
высоко вознес свои стандарты!

Кто делает чистых порочными,
Кто опустошает пастбища и поднимает оружие
против праведных.

*июль 1965-июль 1966
октябрь 1966*

ИНТЕРЛЮДИЯ

Мое сердце бьется в ритме стоп первых праведников,
давным-давно плясавших в лесу Броселианд*,
И мой разум, когда перестает довольствоваться
ложью и мечтами генералиссимуса Франко,
наслаждается в обществе потерпевших поражение,
но славных мужей,
которые ушли в горы или
из любви к людям стремились сохранить тайные пути
братства и сострадания,
распространяя Истину,

* Броселианд — сказочный лес, прототипом которого стал самый большой лесной массив Бретани, Пемпонский лес, место действия средневековых романов о короле Артуре, прежде всего, романа Кретьена де Труа «Ивэйн, или рыцарь со львом».

как семена запрещенного галлюциногена, марихуаны
или утреннюю славу,
сокрытую в травах полей.

Да здравствует сокрытое! Да здравствует страдание!
Любовь, которую мы никогда не знали,
двигала нами с самого начала!
Теперь, быть может, нас ведут на твои высокогорные
пастбища. Тяжко сдавленное,
мое сердце раскрывается, словно в нем — проход в скале,
неизвестный ход,
настолько близкий, что весьма подобен смерти самой.

Одинокая дверь, путь одиночеств,
немая песня, последний раз пропетая венами среди чужаков!
Я должен пойти в старую таверну в каньоне позади нас,
на каток для роликовых коньков среди сосен.

Ибо танцоры сошли с гор,
и пианист извлекает такой звук, что скрипач
уплывает на волнах, в тугу сжимающих талию наплывах.
Люди, тогда, это — люди летней ночи, закончившейся
и прошедшей,
люди из польского танцзала перед последней войной,
в поте и вони лимбургского сыра и бермудского лука,
распарившись от пива и музыки,
канзасских сельских евангельских песен,
или летний народ в Катскильских горах,
который занялся танцами на площадях, как поэт прибегает
к старому опьянению, которое приводит к поэзии,
не «площадной» танец, но движущиеся фигуры,
века и разные персонажи старой драмы...

случаясь и разлучаясь,
продвигаясь и отодвигаясь, кланяясь
и откланиваясь, уходя в новые и все же старые
сочетания,

слово «старый» появляется снова и снова,
приходит на ум танцующей молодежи

...так что я помню, что был ветхим старцем в той
части танца, *Дедулей*, мне было девятнадцать
и девяносто все же,
беря за руку Малышку Нелли, милюясь с милашкой,

и сам танец, грандиозное собрание флиртующих ног
с их фигурами,
вперед и назад — мы были медиумами
для Людей Старых Времен в их вечном возвращении.

+

В огромной фигуре из многих фигур в четырех
сторонах света и империях,
четырежды изменяясь, противоположности
противоположностей, встречаясь и сочетаясь,
разъединяясь и соединяясь, восходя по лестнице литаний,
пока они не «посланы» —
теряя себя в жизни друг друга
и находя вновь.

Ныне, потому что я — Огонь, а ты — Вода,
Вода и Огонь целуются и обнимаются.
Вода и Огонь танцуют друг с другом. Это —
великий мимесис —
имитирует цельность, которая, как нам кажется,
истинна тому, *Что Есть*.

+

Мы должны вернуться к простым вещам,
холм и ручей, лес и море вдали,
время суток — заря, полдень, яркий или облачный,
пять часов в ноябре, пятый час года —
изменяют определения света.

И скажем танцоры расположились
на шести нерушимых линиях
китайской гексаграммы,
и шестеро пляшут, чтобы шесть линий разрушить,
шесть врат или прорывов
в ином смысле устойчивой фигуры: их шестеро в сумме.
Разбившись на группы по трое,
они танцуют в четырех группах.

Какие двенадцать вещей твоего мира
ты назначишь хранителями,
попечителями Истины?
Соль, — сказала Корделия. Золото и свинец.
Поэт, великий создатель войн и государств, и
святой, Буркхардт* назвал трех созидательных
властителей истории.
Но теперь, пусть двенадцать будут не названы.

Танцоры вышли вперед
чтобы олицетворить невостребованные вещи.

* Якоб Буркхардт (нем. Jacob Christoph Burckhardt; 1818-1897) — швейцарский историк культуры, стоявший у истоков культурологии как самостоятельной дисциплины. Классический труд Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения» (1860) принес ему европейскую славу.

ПЕРЕСТУПАЯ РЕАЛЬНОЕ ПЕРЕХОДЫ 27

В Войне они создали небесную пещеру.
 В Войне я сейчас создаю
 небесную пещеру, шатер Ночи
 Солнце уже не зажигает день на Земле,

 но много световых лет назад
 алмазная искра в сонме звезд
 блестящей сети бриллиантом зажгла волны мрака
 над нами
 далекие сияния
 «игру света или интеллектуальный блеск»

 на которое претендую собрание сил

 под покровом своего стихотворения он скрывается
 незрим
 так что кажется не человек а мир говорит,
 ибо все мои мысли — слуги звезд, и мои слова
 все скобки раскрываются
 явившись из уст, которые являются Вселенной
la bouche d'ombre *

(Поэт-маг доктор Ди ** в своем черном зеркале
 вызывает духов из тьмы забвения)

сквозь лучи незримых и зримых тел,

* Рот (уста) человека (*франц.*).
 ** Джон Ди (John Dee, 1527–1609) — английский математик, философ, астроном, астролог; в 1564 г. издал труд по каббале и геометрической магии, озаглавленную *Monas hieroglyphica* («Иероглифическая монада»); был последователем Трисмегиста; в 1548—1551 годах отправился в путешествие по Европе. 24 июня 1548 года он прибыл в Лёвен или Лувен, где находился один из крупнейших католических университетов Европы. Там Ди работал в сотрудничестве с Геммой Фризиусом и Герардом Меркатором. Был также в Праге при дворе императора Священной Римской империи Рудольфа II, интересовавшегося герметикой. При Марии Тюдор подвергался преследованиям, но сумел доказать необоснованность выдвинутых против него обвинений. При королеве Елизавете основал научную библиотеку, к сожалению, разграбленную за время его путешествий.

известных и неизвестных
источников и отправителей,
через испаренья, огни, звуки, кристаллизации...

Ибо ныне в моем сознании все молодые люди моего времени
отказались от верности *миру сему*, от общественных дел

и по мере того, как их штудии нереального углубляются,
промышленности, бизнесы, университеты, армии
сотрясаются и уходят в небытие,
так что камень, оживая
как зеница ока, подобная луне,
вбирает все зримое из незримого отраженного света
солнца, заставляет,
держа под своим языком каждого человека, говорить
о грядущих чудесах.

Хаос/ и божественные меры и порядки
столь соединены браком здесь
что нам остается лишь представить
себя Любовником,
и Возлюбленный появится
мужчина и женщина, дитя и царь, века и лестницы бытия,
родовые муки и освобождение от мук в смерти
столь перемешано здесь
что они черпают из Самой Войны, отворачивающей
это дыханье от них.

В этом обряде Великий Маг ворочается во сне
и грезя в сновиденье маг шепчет своему возлюбленному:

ты столь близок ко мне
ты фантом который сердце
узрит —

и ныне великая река их чувства столь широко разливается
что берега ее отдаляются и становятся нереальными.

СВЕТ

ПЕРЕХОДЫ 28

сейчас низвергается любимец рока,
одно перо из его крыла / потерянное

в божьем взгляде найдено Libertas*

Мастер Виктор Гюго видел в этом сне
Поэзию саму / или за своими веселыми застольями

слышал толки о том,
что ангельское было предано Люциферу,
как Сатана предавал Себя/ и пал
помыслив о корнях власти, как будто
она принадлежала ему,
разорвал с этой Любовью, светом и мраком,
источником всего Мы зовем его
Крылом нашей Матери-Вселенной,
в чьем образе разрушители
и ангелы-хранители вознаграждены

крылатые львы/ дамы, гигантские бабочки
в солнечных полях, среди галактик

крылаты,
состязаются,
Фантазия различает их.

От туловища какой ярой горгоны взлетает голова
Пегас/ великий конь Поэзии, Всадник

мы скачем, кто творит
правду из Того, что Есть;
и, словно Эрос освобожденный, АнтЭрос** / свободный

* Свобода (лат.)

** Антэрос, противник Эроса, бог взаимной любви и мщения за отвергнутую любовь; ангел христианской милости и взаимной любви — статуя Альфреда Гильберта, воздвигнутая в 1893 г. на площади Пикадилли в Лондоне.

для любви, Хрисаор^{*} / с золотым мечом —

близнецы-видения, в котором
из ужасного приговора древнего закона
крылат новый закон взвился

•

сумеречный

•

lumen^{**}

ЗРАК БОГА ПЕРЕХОДЫ 29

Каодай^{***}

золото и кристалл Небесных владений!

В начале от Отца взгляд который зажжет

Новую Любовь в Свободе чей закон

растворяется в его сияниях
(радуга) (ляпис—лазурь)

цепи Эроса и Старого Закона!

Рождество 1925. Дух снизошел
принести истину Вьетнаму.

* Хрисаор — брат Пегаса, сын Посейдона и медузы Горгоны, появившийся на свет с золотым мечом после того, как Горгону обезглавил Персей.

** Свет (*лат.*).

*** Каодай — синкретическая монотеистическая религия, основанная в 1928 г. в южной провинции Вьетнама Тэйнинь. Каодай, согласно вероучению, — «Великий путь третьей эпохи спасения». Доктрина и культовая практика каодаизма содержат элементы распространенных во Вьетнаме буддизма, даосизма, конфуцианства, культа предков и католичества, а также откровений, полученных в ходе спиритических сеансов. Целью верующих считается избавление человека от цепи перерождений и соединение души с божеством Каодай, символ которого — глаз в треугольнике.

Réjouissez-vous de cette fête, *

в честь годовщины моего приезда на Запад
дать мой Знак

что некие сердца трепещут
и изливают из своих резервуаров

стойкую Любовь...

*Du haut de la tour sans toit où l'Extase m'a porté
j'ai regardé le monde triste et froid, noir et agité* **

С высоты бесконечной башни, куда Экстаз меня вознес:
я смотрел на холодный и грустный мир, черный
и встревоженный...

*Du haut de la tour sans toit où la Foi m'a élevé:
j'ai vu la mer d'en haut gardant la sérénité bleue
d'une Vierge qui ne se dévoile...* ***

И тьма раскрылась, божество
в беде явилось, как глаз раскрывшийся
веки скорби и холода дрожали,

во взгляде, поражая...

это было не более, чем перышко потерявшееся в смятении
повернулось, высоко вознесенное вихрем
оно упало так далеко от нее

(словно рука державшая меня
День раскрылся в Бездне

* Возрадуйтесь этому празднику (*франц.*)

** Перевод с французского дается ниже.

*** С высоты бесконечной башни куда Вера меня вознесла:
я видел море бездонное, охранявшее голубой покой
Девы которая не являла себя... (*франц.*).

его взор пробудился языки пламени под землей

*И ангелы, дрожа от любви, лицезрели ее.
Херувимы, великие близнецы, прилепившиеся друг к другу,*

легионы злости и сонмы гнева

*созвездия утра и вечера,
Силы, Умы с нетерпением хотели узреть
сестру, рожденную раем и адом*

l'Ange Liberté*

Лик Отца повергается изменениям в ее мыслях,
его гнев ослабевает, возвращается, ослабевает...
в цепях Первого Эроса/АнтЭроса/ жаждет освободиться.

+

С высоты бесконечной башни, куда Вера меня вознесла:
я видел сверху море,
охранявшее голубой покой Девы
которая не являет Себя...

*Du haut de la tour sans toit où l'Espérance m'a conduit**:
j'a vu l'etolie d'un matin sans soir et un jour infiniti —*

я видел утреннюю звезду без ночи и бесконечный день.
Куда Любовь меня вознесла:

Я смотрел в источник, в моего Бога Солнца,
который озаряет Землю.

С высоты бесконечной башни, у которой нет крыши:
Я видел, как корабль теней пересек море Света.

* Освобожденный ангел (франц.).

** С высоты бесконечной башни куда Надежда меня вознесла:
я видел утреннюю звезду без ночи и бесконечный день (франц.).

/и, отринув слова,
 я созерцал Регулировщика Звезд,
 Комиссара Зримых и Незримых Миров.

Президент Великой Симфонии
 ради страшного покоя и гармонии
 приводит в движение контрапункт
 противоборствующих элементов,
 божественную Борьбу музыки. В Монсегюре*
 где сердце должно быть испытано,

Корба де Перелла,
 Эрменгард д'Уссат,
 Гиллелайн, Бруна, Арсенди,

Гильом де Лиль
 Реймонд де Марсилиано,
 Реймонд-Гильом де Торнабуа,
 Арнальд Домерк,
 Арнальд Доминик...**

* Монсегюр — (фр. «Mont Segur» — букв: «надежная гора») — легендарная крепость в Лангедоке, был оплотом альбигойцев, обвиненных в манихейской ереси во время альбигойских войн и крестового похода против альбигойцев, организованного папой Иннокентием III, который возглавил граф Симон де Монфор (Simon de Montfort; 1150?—1218). В 1244 г. замок был осажден и взят, а нераскаившиеся альбигойцы сожжены на кострах. Замок Монсегюр, выдержавший 10-месячную (с мая 1243 по март 1244 гг.) осаду, считается символом славы Прованса. В Монсегюре был храм Аполлона, и альбигойцы поклонялись солнцу.

** Данкен приводит список рыцарей-альбигойцев, противостоявших крестоносцам, некоторые из них, так называемых файдитов, участников сопротивления крестоносцам, папе и королю Франции, приводятся здесь: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%8B> & здесь: <http://crowninheaven.blogspot.com/2013/07/ramond-peter-bernard-and-william.html>.

Эти — среди семнадцати,
 получающих *consolamentum* * к двумстам десяти *perfecti* ** на
 поле огненных мучеников, *Champs de Cramatchs*, *** пока имя Римской
 Церкви с ее горой почестей
 не провоняет запахом их горящего мяса,

будут внесены как записи о возвышенной сладости,
 в громко звучащих аккордах гнева и скорби. Величие!

И во время Святой Осады Каодаистов в Тэйнинне, ****

под ревущий грохот американских самолетов,
 выполняющих ежедневную задачу по уничтоженью
 вьетконговских твердынь Святого Духа

молитвы шаманов-священников у алтаря

возносятся / и в крещендо Войны

* Таинство у катаров, которые верили в первородный грех и полагали, что «погружение» (причащение), то есть *consolamentum*, происходившее дважды в жизни верующих — при принятии истинной веры (крещении) и причащении перед смертью, когда истинно верующие присоединяются к числу «совершенных» (*perfecti*). Поскольку совершенство включало в себя celibat, то есть воздержание от половой жизни, безбрачие, то у катаров считалось, что большинство причислялось к лику совершенных лишь на смертном одре.

** Совершенных (*лат.*). См. выше.

*** Поле Сожженных (*франц.*), где были сожжены катары после падения крепости Монсегюр. Катарские монахи и монахини (всего — более 200 человек), не отрешившись от своих религиозных убеждений, были сожжены в тот же день на костре у подножия горы. «Среди них, — сообщает хронист-инквизитор Гийом Пюилоранский, — был Бертран Марти, которого они сделали своим епископом; и все они отказались обратиться в другую веру, как им предложили, и были заключены в ограду, сделанную из кольев и свай, и, сожженные в ней, перешли из огня казни в огонь Тартара» [1]. Также на костер отправлена была престарелая маркиза де Лантар, ее дочь Корба де Перейль и молодая внучка Эсклармонда де Перейль. Сейчас место казни называется «Prat dels Cremats», или Поле Сожженных. 25 защитников крепости покончили жизнь самоубийством.

**** Тэйнинь (*вьет. Tâu Ninh*) — провинция на юго-западе Вьетнама на границе с Камбоджей, родина религии Каодай и место одной из главных военных баз во Вьетнамской войне, место атак северян, а впоследствии и налетов «красных кхмеров».

точная линия мелодии / точно
вера Шуберта проникла в истину Гераклита,
 противоречивого
отца всего, жесточкой необходимости,
 в грохоте и огнепаде,
 неся
это звучанье, его сына,
 и запись причащения
 звуча как предложения
беззвучного колокольного звона.

Из тела стихотворения все слова создают

давления будущей жизни: юность,
с молниеносной вспышкой,
которая сейчас стала золотым мечом, двуострым,

либо солнечным блеском
режущим глазной нерв,
болезненная юность!

И Пегас выпрыгивает
«рожденный близ источника Океана»

‘от Ωκεανον περι πηγας γενθ*

Он-рвущийся-вверх из пробитых артерий сонных из
глубокого сна выносит вверх
(Океан тогда, глубокий сон)
пробудившись,

летит

к Зевсу-отцу наверху,
Повелителю Глубоких Небес, чей Дом
ждет его,
давленье приливов коего

на берега жизни подобно необузданности коня,
вспышки света из темной материи.

В резной панели саркофага из храма Голгой**

* Рожденный близ источника (греч. πηγή, «источнику») Океана» (*др.-греч.*).

** Кипр считается местом рождения Афродиты. В городе Голгой (Ларнака) воздвигнут храм <https://www.charlesede.com/blog/66/>. Древности в городах Голгой и Идалиум были открыты консулом США генералом Луиджи Пальма ди Cesnola (Luigi Palma di Cesnola): <https://www.amazon.com/Antiquities-Discovered-Principally-Ancient-Idalium/dp/1363033417> и были выставлены в Музее Метрополитен: https://www.metmuseum.org/art/metpublications/The_Cesnola_Collection_of_Cypriot_Stone_Sculpture.

[Художественный музей Метрополитен, Пособие
по Собранию древностей с Кипра Цеснолы.
Как приводится у Кука, «Зевс», том второй, страница
718*]

двойня восстала чтобы образовать в это мгновение
 голову нового монстра

Гений

так зарождается, испуган неожиданным ударом

«двойной природою наделена» (Спенсер
излагает своим слогом здесь)

который в стихах Сада адресует каждое слово

Там почва по старинке не бедна
И в том саду растительность густая,
И две стены вокруг него: одна
Железная, другая золотая;
Не допускают взломов или краж,
Впуская в этот сад и выпуская**

но рана станет широка, как дверь,
деянье
(осколки черепа и мозгов разбрызганы по
обивке машины, красный цвет крови и розы
смешиваются в одной вспышке)

*(«Прекрасней и страшней не помню дня»***, —*
заявляет другой

* Cook, Arthur Bernard. Zeus. A Study in Ancient Religion. 2 Vols. New York and London: Cambridge University Press–Macmillan, 1925. https://www.google.com/books/edition/Zeus/BNlw1neN4_QC?hl=en&gbpv=1&printsec=frontcover

** Данкен цитирует «Королеву фей» Эдмунда Спенсера (1552-1599); кн. Третья, Песнь VI, ст. 31; описывающей сад Адониса, перевод Владимира Микушевича (М.: «Энигма», 2019, с. 280), за исключением первой строки — перевод Я. П.

*** Слова Макбета из сцены с ведьмами (I, 3, пер. Б. Пастернака), когда Макбет говорит Банко о победе, доставшейся дорогой ценой). М.: Терра, «Гамлет. Отелло. Макбет» (стр. 482, пер. Б. Пастернака).

обладатель сердца убийцы, кто ожидает из головы Медузы
 тот Горящий Пляс — повторяя игру слов Джойса —
 никогда не придет на Пляску Дунсы Анны* :

«Ночь, завяжи глаза платком потуже,
 Участливому, любящему дню
 И разорви кровавою рукою
 Мои оковы. Меркнет свет...»**

Шекспир видит, как в сознании убийцы мир
 наполняется врагами, истина
 сама — враг, ускоряя действие, чтобы подавить
 пагубную мысль

«Буду биться, — заявляет Макбет. — дай мне мой Панцирь»

«В нем еще покамест нет нужды».

«Я вооружусь.
 Пошли побольше Конных. Пусть объедут
 Окрестности. На месте вешай всех,
 Кто скажет про опасность»***).

в чем засекреченная сумма
 зла нации выявлена

Дионис, второе я самого Зевса,

Необходим как режиссер
 Драмы

* Данкен перефразирует игру слов из «Поминок по Финнегану» Джойса: «A burning would is come to dance inane» (Finnegan's Wake, Book II, Ch. 1, p. 250), в свою очередь перефразирующую «Макбет»: «Пока не двинется наперерез/ На Дунсинамский холм Бирнамский лес» (пер. Б. Пастернака). Ср. «Macbeth shall never vanquished be until/ Great Birnam Wood to high Dunsinane Hill/ Shall come against him», IV, 1).

** Слова Макбета из III, 2 (пер. Б. Пастернака).

*** Из диалога Макбета с Сейтоном (V, 3). В конце букв.: «Вешай всех, кто выкажет страх».

+

Темные фигуры двигаются, вспышки / рассеяны в ночи.
 И на сцене / яростный стук молотка, пугающий пульс
 Начинается. За веками/ остаточный образ пылает
 И истерзанная душа в мясе плоти вспоминает сейчас,
 Что страна зашла слишком далеко во зле /

Истина становится роковой
 И правдивая песнь предсказывает беду. Запрещенные

Напряжения возвышенного изменяют личность,
 и в том, что есть Я,
 В масках старых карнавалов, в моем мире и времени
 Зловещие созвучья, предсказания истории
 становятся требованиями сюжета.

Драматурга

Не введет в заблуждение *мелос* «романтичный
 и чувственный,
 с песней и инструментальной музыкой вперемешку»,
 Завладение местом Реального, отуманивает человечество и

двигает нас

К своему собственному Концу. *Мелодраматичен*

Его язык, в его беспокойном уме
 эхо речей, заклинаний, диких молитв,
 словно для того, чтоб научить нас
 «совершенству неких идеалов,
 показать порочность других», которые он бросает на ветер.

(Президент
 приказывает
 перелицевать
 историю)

Над саркофагом, не известно чьем,
 каждая фигура, нависая, становится знаком,

Персей держа голову в сумке
 отворачивается и марширует прочь
 («чтобы за ним последовала его гончая», — замечает ученый,
 — в точности как изображение Le Mat* в
*Ancien Tarot de Marseilles*** — «гонимый», стало быть).
 Другая фигура дает Персею крылатую шапку,
 сандалии и кадуцей Гермеса: Макбет
 так мало знает, что он действует как
 вестник мифа,
 сюжета пьесы.

Из умирающего тела Америки я вижу,
 или из моего умирающего тела,
 как возникают
 дети деянья задолго до этого деянья,
 семя Посейдона, в чей глубине отражена голубизна
 небес,
 явлены
 огромные Хризаор и Пегас меч и полыханье
 Отец Герiona, тот,
 кто нес Данте и Вергилия в глубины Ада,
 и Конь Белерофонта***

* Шут, джокер (*франц.*). Шут в Марсельской колоде Таро (см. ниже) — олицетворение свободы, энергии, путешествий (у него — красный посох и коричневый дорожный мешок), поиска, бродяжничества, освобождения, но также неразумности, хаотичности, паники, глупости. <https://tarotx.net/tarot-card-meanings/marseilles/the-fool-le-mat.html>.

** В древней колоде Таро из Марселя (*франц.*). — Марсельская колода Таро, возникшая в XIII в., которую продолжали разрабатывать до XVII в., была предназначена не только для магического знания, гадания и медитации, но и для игры. <https://tarotx.net/tarot-card-meanings/marseilles/>

*** Беллерофонт (*др.-греч.* Βελλεροφών) — величайший герой древнегреческих мифов, предшественник Геракла, одним из подвигов которого было убийство Химеры; ему одному покорился Пегас, но в гордыне Беллерофонт хотел вознестись на Олимп, и Зевс наслал овода, который ужалил Пегаса, и тот сбросил Беллерофонта с высот на землю.

из-под копыт которого снова
 новые источники бьют на Геликоне. *

БОЖИЙ СГЛАЗ

Мы заблудились. Нет,
 мы не сбились с пути

но мы нашли, что путь
 темен, трудно преодолим, и все же
 отраден.

То, за что мы держимся не более, чем
 слова. Да, трудно определить
 ценность того, чего мы придерживались.
 Мы говорили, что это золото. Душа

взвешена на чаше весов против перышка Маат^{**}.

Наше сокровище, свет сияющий на голове одуванчика,
 сдуют. «Смотри, твое сердце цепляется
 за проигранное дело». / безнадёжное

Свет весь из незримых
 семян рассеянных за межой, восстает

падает под дуновением воздуха

везде и на твердой земле

* Пегас ударом копыта о землю мог выбивать источники. Так, в частности, на горе Геликон у рощи Муз возник источник Гиппокрена (Ключ коня), из которого черпали вдохновение поэты («оседлали Пегаса»). Для набора максимальной скорости перед взлетом Пегасу требовалось сделать несколько шагов по земле.

** Маат (*др.-египт.*) — правда; богиня истины, справедливости, закона и миропорядка, которая руководит звездами, временами года, восходами и закатами солнца; изображалась с пером в волосах.

найти свой путь, и я — то, чем является человек —
не более, чем слепец — но все это преодолевается —
извлекая из нас высказывание — зеленую почку,
где творение — это дерево,
которое должно говорить как может, чтобы создать
образы чело-вечества, слово-сказателей,
того, что нельзя увидеть..

И снова:

Я возвращаюсь к тебе, чтобы увидеть, как близок
ты ко мне, дорогая определенность, в которой я
рискую
определенными неясностями. Таково должно быть и для тебя
тоже —
Я вижу в твоих глазах — в твоём взгляде на меня
— у тебя тоже, бывают времена,
когда все то, что мы обязаны ощутить,
связывает с жизнью, выпрыгивает,
и твои глаза сияют светом
моего взгляда на тебя. Полна
чаша моего сердца до самого
края
проливая то, что не в силах вместить, это
случается так,
как случается, углубляется
и наполняется
фактом твоего бытия, вбирая все, что может собрать
из этой имманентности
до глубин дрожащей воды...
(или — возвращается ли
душа на брак в Кане,
прикоснувшись и вернув
вино? Аметист, кроваво-красный рубин
цвета жизни моей, которую поднесу
к губам Смерти, ибо теперь я вижу

Она выпивает полноводный поток горя и радости,
весь поток меня самого, до дна
и разбивает пустой кубок о порог.
Она чтит все, чем я был,
чем являюсь) сияет светом того, кем ты
являешься для меня.

И снова:

Вот в чем все дело. Ты можешь положиться на это.
Речь возвращается туда, где остановилась
во мне. Дерево, кубок
не могут вмещать в самих себя чувства, которое
возвращается в чем может — в реке,
в одинокой звезде,
в птице поющей, которую не вижу, —
и я буду повторять звуки имен
всего
чтобы выпустить эту старую необходимость
и потрястись ее нуждой.

Я думаю, что говорил о говорении и
высказываясь
мои слова не могут убедить тебя или позволить мне сделать это,
ибо ты слушаешь, и чары движутся из
тупой боли, известной мне.

Отойди в сторону, от того, что важно.
Прогуляйся. Стань на мою точку зрения/ и
давление утра растит в моей груди
цепь эмоций замкнутых в одном *сто...* одном...
созвучье не выходит или я не
принимаю слова «*стон*». Это не —
я не приму того, что истина этого
— моя. Человек сам стонал во мне.
Открывая глаза

все, что вижу/ сверкает или сияет.
 Обогащенное холстами, книгами, растениями,
 комната, разум, фонд,
 из которого черпаю, содержат такое слово:
 дерево, чаша, звезда, птица
 во всем богатом саду того, что мы взрастим в себе
стон... и стремимся высказать, что они
 замышляют.

«Ты смотрел через мое плечо,
 когда я читал Китса
 вчера вечером?»

«...строк:

*Долг сладостный и памяти заветы...»**

Твое свидетельство следует здесь, его словами:

*«...Позволь мне хором стать твоим и стон
 исторгнуть в час полночный...»***

Брат в мужа так или жены интимная
 случайность в которой наша
 целостность возвращается Я
 возьму для этого любые подходящие слова
 — Китс — ключ, чтобы открыть
 стон любви из моих неохотных губ.

Снова:

Но сейчас моя воля идет туда, где Любовь, о которой я
 говорил в притяжательном,
 освобождена. Я человек слов,
 человек своего слова. Меня влечет, куда
 не знаю. Слово движет мной. Я покоряюсь ему.
 Я покоряюсь своей воле, ей вверяю

* Начальные строки «Оды к Психее» Джона Китса. Пер. Шломо Кроля.

** Из третьей строфы «Оды к Психее» Джона Китса (пер. мой — Я. П.). Ср. пер. Марка Талова: «Сам буду хором я твоим и стон/ Исторгну в час полночный».

замысел стихотворения. Смерть вижу
так, моя Жизнь принадлежит Смерти. Смерть
повелевает мной. Моя Смерть!
объединяет меня с моей главной мыслью о тебе.
Ибо я наполнил свое одиночество твоей жизнью,
моя суть живет в твоей любви
Его воля свыше веры кубок
печальной ночи
в которой встает Солнце которое восстанет
— сотрясая кубок Он
 держит кубок —

 сияет, незрим,
не имея стилия Его речь столь прозрачна
 Солнце
в зорях вина в моем
одиночестве, которое у меня — в тебе,
встает.

*Перевод, предисловие и примечания
Яна ПРОБШТЕЙНА*

КРИК В БЕЗОТВЕТНОЕ, ИЛИ ДРАГОЦЕННЫЕ ВИНА АЛЕКСАНДРЫ КРЮЧКОВОЙ

Первое широкомасштабное издание книги стихотворений Александры Крючковой «Крик в Безответное», в которое вошла лишь треть произведений из одноименного цикла, вышло в свет тиражом 1500 экземпляров еще в 2009 году в одном из крупнейших российских издательств «РИПОЛ классик» (ISBN 978-5-386-01728-6, М., 2009-160 с., илл.), в 2015 году последовало переиздание в серии «Поэзия XXI века. Восхождение» под названием «Белый танец» (ISBN 978-5-386-08250-5, М.: — «РИПОЛ классик», 2015-280 с.), через пару лет весь цикл был включен в книгу «Не отдавай меня другим» (ISBN 978-5-386-09767-7, М.— «РИПОЛ классик», 2017-536 с.), и наконец я получил книгу с автографом в последней редакции автора, но с первоначальным названием — «Крик в Безответное».

Возможно, данный цикл стихов Александры является самым известным из авторских, ведь именно в нем — и визитная карточка с гениальным «Я — метр... и 50... плюс 8 сантиметров», переведенным на несколько иностранных языков и удостоенным многократных побед в литературных конкурсах в России и за рубежом, включая III-й Международный фестиваль поэзии «Море и Слово» в Венгрии в сентябре 2011 года, телеканалы «Вечерняя Москва» и «Культура» в 2012 году («Вслух. Стихи про себя»); и душещипательное «Не отдавай меня другим», на слова которого написали музыку и исполняли романсы одновременно трое из известных мне московских бардов: Сергей Светлов, Сергей Анфилофьев и Михаил Мухамеджанов. Именно за стихи из этого цикла, прочитанные на открытии Цветаевского костра в Елабуге в 2013 и 2020 годах, автор был удостоен победы в конкурсе имени М.И. Цветаевой Союза писателей России «Цветавские костры», да и первое изда-

ние книги «Крик в Безответное» получило высокую оценку критиков, поэтов, включая мэтра Евгения Борисовича Рейна, а также премию имени В.В. Маяковского «Светить всегда» (Московская городская организация Союза писателей России, 2010).

Несколько лет назад я посетовал Александре на то, что в ее произведениях недостает телесного, доступного массовому читателю.

«Сладко спать: расстелена постель
Парой звезд из ковшика Медведицы...»

(«Выборы»)

Превознося идеализированный образ возлюбленного «полупризрака», она как бы подчеркивает собственную недосыгаемость, а обыватель, коим является усредненный читатель, нацелен на доступное. Даже беглый взгляд на названия стихотворений данного цикла дает достаточное представление о душевном устройстве автора, например, «Давай дружить астральными телами?», «Нарисуйте мне музыку!», «Ашваттха»:

«Я — дерево Мира,
расту вверх тормашками,
корнями — из Неба...»

(«Ашваттха»)

Однако со временем, подробнее ознакомившись с творчеством этой незаурядной женщины, я понял, что именно в чистой одухотворенности — сила воздействия ее произведений и ключ высокого мастерства, потому что действительно:

«Кто-то Небо ругает за дождь,
А поэты с Дождями гуляют...»

(«Дождь»)

Несмотря на внезапные улыбки автора, похожие на лучи Света, мы видим вспышки надежды на счастливый финал:

«Вечно трещать без повода —
Крест сорок:
Ветер сбежал из города —
Дал зарок!

Делать здесь больше нечего! —
Жгу свечу,
Знаешь, сегодня вечером
Я взлечу!

Прямо над сонной Мойкою
Там, где сеть,
Лунной лимонной долькою
Мне висеть!

Буковки — вместе с ижицей —
Прыг — в сачок!
Милый, возьми хоть книжицей —
Под бочок?!»

(«Ветер сбежал из города»)

Между главной героиней и адресатом ее чувств, Человеком, Которого Не Было, — зловещая пропасть, при взгляде в которую и рождается тот самый «Крик в Безответное», крик души, как в стихотворениях «Иллюзия», «Рамка без Портрета», «Реквием Солнцу», «Потерянный ключик», «Горько!», «Сбросьте!»:

«Восходящая звезда —
Мнима! —
Даже конная езда —
Мимо!

Перемоются в раю
Кости! —
Память в солнечном краю
Сбросьте!

Сколько скоплено монет? —
Хлама! —
Крыльев не было и нет,
Мама!..

Криком выставить посметь
Сцены:
Огласите мне на Смерть
Цены!

Нет же способа верней,
Стражи! —
Если нынче я — черней
Сажи...»

(«Сбросьте!»)

* * *

«Солнце, поставь заплатки!
Звезды с Луной — на ужин,
Плавно скольжу в закладки, —
Крестик ему не нужен!
<...>

Карму заткнув за пояс,
Поздно дрожать Овечке:
Каждой Любви — свой поезд,
Каждой Душе — по свечке...»

(«Потерянный ключик»)

* * *

«<...>
Взорвутся ящики идей
Пространств смещенных!

Отводят всячески от Вас,
Ведут к расплате:
Без трех с копейками — мой час
В шестой палате...»

(«Без трех»)

* * *

«...Хэппи-энды — формат Голливуда...
Девочка стынет в объятиях —
целована насмерть,
Иуда...»

(«Иллюзия»)

Любопытный парадокс: магия стихов Александры Крючковой, безусловно, пробуждает чувства, открывает глаза и расширяет сознание, но не менее поэтична и ее проза, например, роман «Ангел-Хранитель», в который включены в том числе стихотворения из цикла «Крик в Безответное». Проза Крючковой совсем не навязчиво, но упорно и властно воздействует на читающего, заставляя задуматься не только о бренном. По словам автора, ее стихи — лишь иллюстрации к ее прозе, для меня — это единое целое. Должен признаться, что чтение произведений Александры Крючковой для меня похоже на медитацию, но таковым и должно являться воздействие истинной литературы.

«Здравствуй... Прости — соскучилась...
Звезды живут до августа...
Крылья носить замучилась,
Хочешь? — возьми, пожалуйста!

Будут тебе не лишними —
Небо скорбит по Фаусту,
Вышит вердикт Всевышними:
Звезды считать по августу...

Солнце грустит закатами...
Знаешь, звезда замучилась:
Тело разбив на атомы,
Веришь? — опять соскучилась...»

(«Крылья»)

И все же... какое горько-ироничное, говорящее название книги — «Крик в Безответное»!

«Встречать одной чарующий закат:
Планет — полно, а спутников — не видно...»

(«Давай дружить астральными телами?»)

«Пышность фраз не стоила гроша,
Судьи — кто? — законы, нормы, признаки...»

(«Выборы»)

Автор делает свой выбор — Небо:

«Люди масс — заложники вестей,—
Ветер — чей? — поспрашивай у мельницы...
<...>

Мне же — плыть, приветствовать века,—
Шансы есть, и Небо — дело выбора...»

(«Выборы»)

«Но как? Почему? Зачем — Небо?» — спросит читатель и...
найдет ответ:

«В Старом Афоне над царской горой
Буду звездой безмолвно светить
Тем, кто уходит тернистой тропой
К тем, кто умеет бессмертно любить...»

(«Девочка и Ночь»)

О чем бы Александра Крючкова ни говорила, каждое слово — это слово Любви, Веры и Надежды, излучающее магию обаяния таланта и красоты. Следуя заразительному примеру и перефразируя высказывание Ференца Листа о Полине Виардо, хочу со всей ответственностью заявить: Александра Крючкова — не просто русский и российский литератор. Она — «явление культуры», и когда-нибудь «настанет свой черед... драгоценным винам» ее неповторимого творчества.

Пётр ГУЛДЕДАВА

ЮРИЙ ГР. МАЛКОВ
«АНГЕЛОКАСТРО, или ПЕСНЯ ЛЮБВИ»
М.: «ВЕСТ-КОНСАТИНГ», 2020

«Все гораздо сложнее...»

Знаковое название первой части книги стихов Юрия Гр. Малкова, выпущенной издательством Евгения Степанова «Вест-Консалтинг», — связанное с ощущением тотальной сложности бытия, где абстракция и ассоциативность, если попробовать взглядеться в корень тайны, играют гораздо большую роль, нежели конкретика, очевидная всем:

...Если хочешь пройтись по прогалинам лунного света —
не бери арбалет, лишь простой колокольчик возьми...
Слишком много здесь волн,
слишком долго еще до рассвета,
и живой еще кролик проспит — так, пожалуй,
часов до восьми.

А пока позвони — по звезде! — на прощанье:
скорблю, разделяю...
Пусть и слаб этот звон, но и звездам далеким не чужд —
потому ль что для Бога —
ведь даже меж адом и раем! —
человеческих нет расстояний, ни зон пограничных,
ни служб?

Сильно сконструированная, полновесная и полнозвучная строка...
Суммируются накаты волн, давая необычные картины жизненных впечатлений-ощущений.

...В сущности, каждый есть бездна в телесной оболочке, и количество воспоминаний, принадлежащих всякому, столь велико, что внешняя сторона жизни, кажется, отступает...

Разумеется — не отступит, во многом питая поэтическое делание.

Юрий Гр. Малков — диакон; посему и поэтическая речь его связана с Божественным откровением:

...Не о том душа в тревоге —
в Божий мир мы челн наш правим:
жажда славы? — только в Боге!
Только в Нем — свободу славим...

Умирая — оживаем!
Мы рабы — Свободы Вечной:
Дух Господень вечным Раем
манит дух наш человеческий.

Дух...
Конечно, основополагающее понятие для поэзии Малкова.
Дух дает красоту речи, словно соединяя со всеми культурами:

Пусть белый цвет — цвет эллинской печали,
и снежным мрамором здесь крыт могильный свод —
мне лилий белых нежный хоровод
ничуть не застит вечной жизни дали.

И пусть в руке сейчас — пучок засохших трав,
я им смету печаль и пыль Эллады,
покуда и на нем — печать былой прохлады
и трелей птичьих чистый майский сплав!

Высока ювелирная огранка стиха — одновременно нежного
и твердого, напитанного особенным светом сопричастности с миро-
вой гармонией.

Стих Малкова гармоничен, как молитва.

В нем есть величественное звучание органа.

Книга, наименованная «Ангелокастро, или Песни любви», есть
логическое следствие любви к пространному этому миру с его огром-
ной и пестрой усложненностью.

Александр БАЛТИН

Людмила Колодяжная, «Сказки в стихах»
М.: «Вест-Консалтинг», 2023

Изыщество стиха и нежность сказки сплетаются тонкими волокнами, блистая переосмыслением классических источников и интонацией современности, которая завораживает виртуозным поэтическим мастерством:

В самой дальней сторожке
Золушка жарит картошку,
вечный в печке огонь...
Фея берет осторожно
Золушкину ладонь.

Крошка надеждой согрета,
тыква вместо кареты,
кони, шестерка мышат.
Где-то на краешке света
бал, и огни дрожат...

Вечная Золушка — и вечная же надежда: на крошку счастья, такую золотую...

У Золушки получилось. Жаль, не получается у большинства.

«Сказки в стихах» Людмилы Колодяжной, выпущенные издательством Евгения Степанова «Вест-Консалтинг», гармоничны и красивы; старинные силуэты выступают из своеобразной дымки времен и, включенные в круг нашей сверх-прагматичной и противостоящей сказкам реальности, играют различными оттенками смыслов:

Веруешь, иль не веришь,
задуманное случится,
фея-нищенка в двери,
в царский дом постучится.

Веточка, посох дорожный
с просьбой крова и хлеба...
Но тюфяки с горошиной
в келью внесет королева.

«Принцесса на горошине», «Русалочка»...

Андерсен, кажется, благосклонно улыбается, вглядываясь в рифмованные узоры Людмилы Колодяжной.

...Поэтические сказки Колодяжной, грустные и веселые, заставляющие вновь ощутить детские ленты счастья, умягчают душу...

Александр БАЛТИН

АЛЕКСАНДР ОЛЕЙНИКОВ, «ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР»
М.: «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ», 2022

Услышав словосочетание «Еще не вечер», мы обычно чувствуем легкий прилив сил: еще не все потеряно, пока еще есть время, чтобы успеть... (Нужное вставить, его каждый заполняет сам согласно своим жизненным ценностям.) Истечение сроков, образно выражаемое словом «вечер», отодвигается, а значит, жизнь продолжается. Разве это не повод для оптимизма?

В своей книге, озаглавленной столь обнадеживающе, Александр Олейников уделяет большое внимание философским вопросам бытия. Он создает форму достаточно простую и вместе с тем легко узнаваемую, тяготеющую к афористичности. Пафос его лирического героя связан с особенностями авторского изложения, которое намертво врезается в память. Попробуйте это не забыть!.. Рифма-то более, чем распространенная, а содержание эффектно и поучительно:

И в этом даже что-то есть:
Чем тоньше лезть,
Тем слаще мечь.

Желание причинить обидчику ответные «неудобства» свойственно человеческой натуре, но может ли эта сила действительно восстановить справедливость? Зло уже совершено, и «ответочка» лишь раскачает маятник: зла на земле станет не меньше, а больше.

Современные басни берут за основу классические мотивы. Вот и автор этой книги активно осваивает древний жанр, однако жанровое содержание его произведений относится к XXI столетию, а героем иной раз выступает... внедорожник. Ага. Джип. Сами понимаете, что от «адской машины» автор требует аккуратности на дороге так же негодуяюще, как некогда простые граждане призывали к порядку ухарей-купцов, разъезжающих на «тройках» породистых лошадей:

Теперь смелее разъезжай!
Ведь трусом быть негоже!
Но грязью ты не обдавай,
Пожалуйста, прохожих.

В общем, соблюдайте правила дорожного движения. Не чуждо автору и осмысление масштабных политических процессов. В басне «Война холодильника и телевизора» Александр Олейников изящно объясняет причину непростой ситуации в стране:

Но люди все прекрасно знают, —
У нас понятливый народ, —
Что голодранцы побеждают,
Когда их голод доведет.

Эх, времена... Сейчас никого не удивишь простым и естественным разъяснением источников социальных неурядиц, но попробуй-ка так напиши, скажем, лет семьдесят назад... Впрочем, времена меняются, а стремление человека философски осмыслить этот мир остается. Как и осознание того, что человеческое существование базируется на библейских постулатах. Автор задает самому себе проверочный вопрос, который по мере прочтения становится риторическим:

Зачем мне накопления?
Зачем они мне тут,
Когда до потопления
Осталось пять минут?

Стяжательство, конечно, грех. Но тут вопрос гораздо серьезней: надо ли копить «на черный день» (все-таки в миру живем, кушать хочется, да и о будущем в рамках отпущенного думать стоит) или же сосредоточиться на приготовлении к жизни вечной? Это стихотворение содержит в себе как упоминание о Всемирном потопе, так и предостережение, что времени у нас осталось гораздо меньше, чем мы представляем. Особенно оно актуально сейчас, когда мечтаешь только об одном: чтобы никакой ядерной войны,

пронеси, Господи... Кстати, о Боге и о конечности жизни автор тоже размышляет, и рассуждения его весьма категоричны, поскольку он строг к себе:

Господь возьмет мою тетрадь,
Ошибки подчеркнет.
А время, чтобы исправлять
Их даст? Хотя бы год?

Впрочем, год — это роскошь. Тут бы в завтрашний день без потерь войти... Но пока мы живы, есть возможность осмысливать эту жизнь, откликаясь на злободневную действительность как философской лирикой, так и неувядаемой, хлесткой басней. Басни вообще сейчас мало кто пишет, хотя жанр не утратил своей актуальности. Только раньше писали все больше про антропоморфных животных, высмеивая те или иные пороки, а сейчас общество само задает тон, о чем писать. Героем басни может стать даже... сыр пармезан. И не утратившая злободневности на фоне импортозамещения тема противостояния отечественного и заграничного образа жизни (вспоминаем известное «А сало... русское едят!») теперь звучит чуточку по-другому. Автор подчеркивает еще и теперешний дефицит некоторых продуктов, которые предназначаются исключительно для гурманов, для тех, кто оторвался от народа:

Сегодня ты деликатес,
А завтра, может, ты исчез.

И снова, как и везде, завуалированный призыв: помните о главном. Лучше питаться попроще, но жить на этой грешной земле. И, конечно, оставаться самим собой, а не как переполошившая весь пруд рыбина из басни «Ипостаси карася». В нравоучительной форме автор «припечатывает» бесполезные попытки отдельных членов общества воображать себя кем-то иным, нежели они есть:

Позвольте кончить мне на сем.
Быть баснописцем — мука!
Тот, кто родился карасем,
Навряд ли станет щукой.

Читая книгу Александра Олейникова, убеждаешься, насколько велика трансформация басенного жанра в современных условиях. Содержание изменилось до неузнаваемости, но структура и предназначение — аллегорически показать людские пороки — никуда не исчезло. Еще есть что исправлять, а значит, есть, кому учить народ в иносказательной форме. Новый сборник автора, рассчитанный на широкую аудиторию, заинтересует тех, кто в последний раз сталкивался с жанром басни еще в школьные годы. Будучи созвучной современному читателю, эта книга наверняка направит его мысли в созидательное русло.

Ольга ЕФИМОВА

ПАВЕЛ МАНЫЛОВ, «ПАПА»
(Городская проза)
М.: АСТ, 2023

Говоря об этой книге, автор отзыва о ней не погрешил против истины, и на обложке не зря красуется обещание «цепкого писательского взгляда, без лишних красотостей и сантиментов». И действительно, роман Павла Манылова «Папа» вполне можно назвать энциклопедией жизни в двухтысячных. Да и не только в упомянутую эпоху, ведь со времен девяностых в провинции, о которой речь в романе, мало что изменилось, и главному герою, пятикурснику Косте Счастливецеву, ввязавшемуся в сомнительную историю, предстоит в этом не раз убедиться. Он вырос в семье врачей, где все было основано на доверии, дружбе и любви родителей, но не может и не хочет вести такую жизнь, как они. Даже попробовав отцовского хлеба на работе реаниматологом, Костя с иронией наблюдает, как тот за копейки спасает человеческие жизни, а потом заглушает стресс алкоголем. Костин отец, которого все по-дружески называют Семёныч, всеми уважаемый кардиолог «скорой помощи», не приемлет законов новой жизни — откровенной коммерции в медицине, кумовства, неуважения. И поэтому диалог с сыном часто получается такой: «— Ты барыга, а я врач. Вот и вся разница между нами. Ты карман свой лишь хочешь набить, а я жизни спасаю, — ответил Семёныч и как-то сник, опустив взгляд в пол».

На самом же деле, Костя даже не представляет, через какие соблазны и риски ему придется пройти в его стартовом бизнесе. И, если бы не отец, неизвестно, чем бы все закончилось... Даже если за «лихой» период девяностых в романе «отвечает» другой герой, а именно — отец Костиной девушки Костыльков — владелец ликероводочного завода, прошедший и войну кланов, и передел территорий, и дружбу с влиятельными политиками. Хотя, как оказалось, подобный жизненный опыт работает не всегда и не для всех, и, по сюжету, вновь создаваемая государственная структура «Росспирт» объединяет под своим крылом все предприятия, производящие алкогольную продукцию, предлагая Костылькову продать завод.

Понятно, что наш олигарх не желает продавать своё детище, но сознает, что воевать с государством невозможно. Он советуется

с другом и начальником своей службы безопасности Игорем Клейном, или Моцартом, как его зовут в определенных кругах. Тот советует Костылькову быть более прагматичным и все-таки подумать о продаже. «Может, действительно продать? — мучится выбором его визави. — Воевать с государством — это бред. Но, я уверен, можно как-то договориться. Государство — это миф. Всегда есть конкретные фамилии, которые заинтересованы в том или ином исходе». Даже без спойлера ясно, что решение будет непростым, ведь Костыльков отдал две трети жизни своему заводу. И сцена захвата его предприятия силами спецназа, достойная экранного боевика, наилучшим способом это подтверждает. Но в отличие от своего антипода, Костиного отца, который ради принципов готов уйти с любимой работы — хотя бы таксовать, что он периодически и делает, когда в семье заканчиваются деньги — детище Костылькова, его завод — практически единственный серьезный актив. Если он его потеряет, то лишится всего. Если успеет продать, то сможет начать новый бизнес. «Нужно начать торговаться... Дать принципиальное согласие на продажу, но тянуть время, объявив свою цену».

Как бы там ни было, но роман Манылова тем и примечателен, что по-новому решает не только проблему «отцов и детей», и роль его главного героя, пятикурсника Кости, то и дело становится решающей также в «финансовой» судьбе его близких. Так, например, именно он, не желая того, заставляет крутого бизнесмена Костылькова познакомиться и с сумой, и с тюрьмой, после чего действие романа приобретает совсем иной характер. Семейная драма, балансирующая на грани боевика и триллера, переходит в формат романа воспитания, и кто кого в нем воспитывает — решать читателю.

По сюжету же случилось так, что после того, как наш Костя устроился на работу торговым представителем крупной дистрибьюторской компании, он в очередной раз посетил казино. Там он проигрывает все деньги, но знакомится с гостем из Москвы, щеголеватым Артуром, который, изобразив внезапную симпатию к сообразительному пареньку, предлагает Косте дополнительный заработок. И речь о продаже контрафактной водки, якобы доставшейся в качестве возвращенного долга. Но вот незадача — и про то, что

водка «паленая», и про то, что она с завода Костылькова, Костя не знает.

И снова мудрый автор делает сюжетный поворот, и роман обретает «воспитательный» характер, ведь, на самом деле, в казино наш молодой герой пришел для того, чтобы преумножить капитал и купить недорогой подержанный автомобиль. По требованию его нового начальства торговый представитель фирмы должен ездить по близлежащим районам на собственной машине. Выручает же непутевого сына все тот же папа, который соглашается и ездить с ним на семейной «шестерке» (поскольку Костя водить начал недавно), и помогать с реализацией. Да и не только с ней, ведь порядки в районе оказались в духе девяностых, которые в этих краях будто и не уходили в небытие. Как в дальнейшем сложился «семейный» тандем, и к чему привела жизненная позиция максималиста Костю — об этом лучше узнать из неожиданного финала этой необычной книги.

Станислав ЛАПЕНКО

Владимир Алейников

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился в 1946 году. Один из основателей и лидеров знаменитого содружества СМОГ. В советское время публиковался только в зарубежных изданиях. Переводил поэзию народов СССР. Стихи и проза на Родине стали печататься в период Перестройки. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Континент», «Огонек», «НЛО» и других, в различных антологиях и сборниках. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии имени Андрея Белого. Живет в Москве и Коктебеле.

Александр Балтин

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1967 году в Москве. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007 году в журнале «Florida» (США). Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5 томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награжден юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почетный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Стихи переведены на итальянский и польский языки. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвященная творчеству писателя.

Пётр Гулдедава

Заслуженный писатель Союза писателей России, поэт, руководитель ЛИТО «Свежий взгляд», член Академии российской литературы.

Роберт Данкен (1919–1988)

Американский поэт, традиционно причисляемый критиками к битничеству. Одна из ключевых фигур в поэзии послевоенных США.

Ольга Ефимова

Поэт, прозаик, литературный критик. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «менеджмент в сфере образования». Публиковалась в журналах «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Цветные строчки», «Зинзивер», «День и ночь», «Зарубежные записки», альманахе «День поэзии», газетах «Экслибрис НГ», «Литературные известия», «Поэтоград». Родилась и живет в Москве.

Евгений Морозов

Поэт. Родился в Нижнекамске. Закончил филологический факультет Елабужского государственного педагогического института. Публикации: журналы «Дети Ра», «Стороны Света», «Артикль», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Формаслов», газеты «Поэтоград», «Литературные известия», порталы «Сетевая словесность», «Textura». Финалист поэтических конкурсов («Вечерние стихи», «Хижицы», «Лебеди над Челнами»), лауреат журнальной и газетных премий (журнал «Дети Ра», газеты «Поэтоград», «Литературная Россия»). Автор четырех книг стихов. Член Союза писателей XXI века. Член Союза российских писателей.

Александр Олейников

Поэт. Родился в 1939 г. в г. Ленинграде. В начале 1942 г. был эвакуирован из блокадного Ленинграда по ледовой «Дороге жизни» и находился в эвакуации. С 1944 г. живет в Москве. После окончания школы в 1956 г. поступил на физический факультет МГУ. В 1957 г. в составе студенческого отряда МГУ выезжал на целину в Казахстан. С 1962 г. и всю жизнь работает в Институте радиотехники и электроники РАН. Специалист в области информационных технологий. Автор более 220 научных трудов, д.т.н., профессор, лауреат премии Совмина СССР, заслуженный деятель науки РФ. Стихи пишет с ранней молодости. Первая публикация — пародия на А. Вознесенского — появилась в 1960 г. в газете «Московский литератор», а затем была перепечатана в газете «Литература и жизнь» и вошла в сборник «День поэзии», 1960. Автор многих книг стихов. Член Союза писателей XXI века с 2022 года.

Ян Пробштейн

Поэт, переводчик поэзии, литературовед, канд. фил. наук, доктор литературоведения (Ph. D.), профессор кафедры английского языка и литературы (Tougo College, New York). Родился в 1953 году. Составитель, редактор, автор предисловия, комментариев и один из ведущих переводчиков книги «Стихотворения и избранные Cantos» Эзры Паунда (1 т., СПб, Владимир Даль, 2003), «Стихотворения и поэмы» Томаса Стернза Элиота (М., АСТ, 2013), «Полное собрание пьес и стихотворений Т.С. Элиота» (СПб.–Москва: Азбука-Иностранка, 2019), «Испытание знака», Избранные эссе и стихотворения Чарльза Бернстина (М.: Русский Гулливер, 2020). Участвовал в издании «Собрания стихотворений» Дилана Томаса (М.: Рудомино, 2015), автор 12 книг стихов и нескольких книг эссе и литературоведческих исследований на русском и английском языках. Стихи, переводы, эссе и статьи печатались также в журналах «Новое литературное обозрение», «Иностранная литература», «Новый мир», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Новая юность», «Prosodia», «Арион», «Плавучий мост», «Квадрига Аполлона», «Гвидеон», «Поэзия», «Новый Журнал», «Континент», «Стрелец», «Время и Мы», «Семь искусств», в электронных изданиях «Литература», Textonly, Gefter.ru, Textura.by, «Облака», «Сетевая словесность», в альманахах «Новая кожа», «Зарубежная Россия», «Связь времен» и в других периодических изданиях. Всего около 500 публикаций.

Евгений Степанов

Поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра», журнала «Футурум АРТ» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в поселке Быково (Московская область).